

Несчастливые люди
(роман о влюблённых)

/А.Бородкин

Алексей Петрович Бородкин

Несчастливые люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68864904

SelfPub; 2023

Аннотация

Лидию Лакомову бросил муж. Надумал уйти к другой женщине, однако не ушел... – та, другая, не приняла. Не захотела принять. Зато она захотела "принять" десять тысяч (Аркадий выиграл их в лотерею)... плюс, художника во владение... и сделаться Владычицей морскойю. В рассказе пересекаются несколько людских судеб и одно криминальное происшествие... со счастливым, впрочем, концом.

Алексей Бородкин

Несчастливые люди

Рождественская сказка со счастливым концом

/в качестве прелюдии чистосердечно признаюсь, что события имели место в действительности... я лишь незначительно сдвинул их по временной шкале, чтобы придать сказочности и красок... этой грустной, в сущности, истории

Умывался он с наслаждением, отплеывался, причитал и тряс головой, чтобы избавиться от воды, набежавшей в уши. Вытираться тоже было приятно, но, отняв от лица полотенце, Николай Дмитриевич увидел, что оно испачкано радикально-чёрными штрихами – вероятно машинное масло попало на волосы.

"Как я умудрился?" – подумал с неприятным удивлением. – Изгадился? Когда?"

И ещё подумал, что замарал хозяйское полотенце, а это свинство.

Лида сидела на кухне, из окна бежал свет не по-зимнему белый и энергичный, женщина опустила ладони меж колен, словно Иисус в пустыне. Николай Дмитриевич хотел извиниться, и даже приготовил фразу: "Ты представляешь, весь день ходил по базе, выбирал полуоси и тормозные колодки. Где-то влез в отработку... – здесь следовало развести рука-

ми. – Испачкал полотенце, Лид... Ничего? Ну, свинтус я, ну, виноват! Не велишь казнить?"

Лида опередила:

– А меня муж бросил.

Пауза на четыре секунды.

– Не горюй слишком, – выговорил Николай Дмитриевич, и таки использовал заготовленный жест. – Дело житейское. Вчера бросил, завтра вернётся. Я свою кобру знаешь сколько раз бросал? Безоговорочно и безрезультатно.

– От меня муж ушел, – повторила Лида, будто бы надеясь, что такая формулировка доступнее для понимания.

Николай Дмитриевич сунул в ухо мизинец (там оставалась вода), сочувственно "икнул" правым плечом вверх и вниз. Следом за этим движением, в животе заурчало: позавтракать Николай Дмитриевич не успел, и целый день не имел во рту даже росинки маковой.

Вспомнил, что хотел с Аркашей (ушедшим мужем) посоветоваться о болях в пояснице – там что-то постоянно ныло и тянуло... и это тревожило.

– Аркадий ушел, дядя Коля! – с усилием выдавила Лида.

– Давно?

– Третий день. – Губы племянницы затряслись.

– А почему ты решила, что ушел? – Женщину требовалось приободрить, Николай Дмитриевич заговорил рассудительно. – Канун Нового года, праздники... быть может, загулял с друзьями. У меня завгар вон вторую неделю не просыха-

ет, и ничего. Он свободная личность в результате назревающего коммунизма, конституция его защищает. Я ему отпуск оформил... за его собственный счёт и всё – пушай пьёт. Нам ли быть в печали?

– Ушел он... бросил... я знаю.

От такой унылой целенаправленности Николай Дмитриевич даже воскипел:

– Да почему вы, бабы, всегда самое плохое думаете? Быть может он ногу сломал... эту самую, как пёс её?.. шейку бедра! лежит где-то во сугробе, подняться не может.

В мутных от слёз глазищах Лиды зародилась надежда:

– Дай бог, чтобы так! – проговорила она. – Дай бог...

Лида попросила проводить её в отделение милиции – она хотела написать заявление. Николай Дмитриевич подумал, что это чушь: "Курам на смех!", но отказать не сумел, хватанул на ходу горбушку хлеба с салом и начал одеваться... не расстраиваясь больше о перепачканном полотенце.

Картина вытанцовывалась следующая. 18 декабря Аркадий Сергеевич Лакомов не вернулся домой с работы.

– Я не заподозрила дурного, – пояснила Лидия Лаконова, – подумала, что он остался на дежурство, или кто-то из персонала заболел. Сейчас многие болеют... дети в школе, педагоги и даже среди врачей случаются заболевания гриппом. Аркаша часто подменял... он добрый, отзывчивый. Он

не мог отказать.

Младший лейтенант скупно кивнул головой, обозначая своё внимание и перевёл взгляд на дверь, лишь только по ходу кольнув Николая Дмитриевича, что стоял рядом с заведительницей.

– На следующий день я забеспокоилась и позвонила заведующей... Аркадий работает в поликлинике терапевтом, понимаете?.. Заведующая сказала, что он отпросился и ушел раньше, сразу после обеда.

– Когда? – вклинился лейтенант.

– Что когда?

– Когда он отпросился? Восемнадцатого или девятнадцатого?

– Восемнадцатого, – вздохнула Лида. – Он отпросился и ушел... от меня.

Указательным пальцем лейтенант почесал в затылке, палец двигался по радиусу, словно "дворник" на лобовом стекле автомобиля:

– А чего вы хотите от милиции?

– Я... – Лида смутилась и начала мямлить: – Дело в том... мы прожили девять лет... почти всегда душа в душу... я не ожидала предательства... боюсь...

В разговор ворвался Николай Дмитриевич, оттеснил племянницу:

– Ну, вот что, лейтенант, не морочьте голову! Человек провал, не мешок картошки! Три дня, как ушел из дому!

Примите меры!

– Заявление приму, – согласился лейтенант. – Меры – отнюдь! – Слово "отнюдь" явственно нравилось службе закона. – Каждый человек имеет право жить где он хочет и с кем он хочет. Конституция позволяет.

– А что, если он погиб? – опасным шепотом выговорил Николай Дмитриевич. – Что, если мужика убили? – Николай Дмитриевич умел драматизировать. Работа в автопарке требовала. – Про уход из семьи и другую женщину – это вы не слушайте, это всё филькина грамота. Лидка навывдумывала от паники. Аркадий честный семьянин, в шахматы играет... второй разряд, практически... в свободное время мануальной терапией занимается. Спину мне лечил, вот, иглками. Он порядочный человек и он пропал, неужели непонятно? – Николай Дмитриевич значительно взвинтил себя и не собирался останавливаться. – Я вижу, вы не хотите меня слушать, лейтенант. Всё, что я говорю, вам кажется чепухой. Пожалуйста! Имеете право несовместимое с занимаемой должностью! Будем говорить с начальством. Кто тут у вас главный? Пригласите, пожалуйста!

– Не кипятитесь, гражданин! Разберёмся!

К чести лейтенанта он действовал решительно и сметливо: пододвинул Николаю Дмитриевичу второй телефонный аппарат (бодрого синего окраса и с трещиной на фасаде), распахнул тетрадь на развороте "Больницы и морги", отутюжил её пальцами, чтобы страницы не поднимались.

Кивнул:

– Так справимся эффективнее. Ваша колонка правая, моя левая. – Накрутил верхний номер.

Звонки отняли минут пять или семь. Лида сидела, как мышка: кивая, сморкаясь и прижимая к губам клубок носового платка. Переводила взгляд с одного мужчины на другого.

По итогу, лейтенант хмыкнул, вернул трубку на телефон и выговорил:

– Сейчас оформим заявление, гражданочка... только вы напрасно беспокоитесь. Ввернётся он к вам или не вернётся, этого милиция гарантировать не в силах. Но я имею основания утверждать, что противоправных действий в отношении гражданина Лакомова совершено не было. Восемнадцатого, девятнадцатого и даже двадцатого декабря сего года в медицинские учреждения города поступил только один пострадавший с телесными повреждениями, и это однозначно не ваш муж.

– А чей? – вскинулась Лида.

– Гражданин без документов, – лейтенант поправил фуражку. – Какой-то маргинал... личность без определённого места жительства. Вероятно, алкоголик... или пьяница.

Николаю Дмитриевичу фраза понравилась, он сказал, что это две большие разницы:

– Алкоголик супротив пьяницы, всё одно, что дворник су-

против столяра. – Посмотрел на Лиду: – Ну, вот, дурёха, а ты психовала! Ушел! Ха-ха! Нашего брата, ещё палкой будешь гнать – не уйдём. Верно я говорю, лейтенант?

Лидия подняла взгляд на дядю Колю и тоже невольно улыбнулась... подчиняясь его веселью. И лейтенант захихикал.

В голове женщины танцевала блаженная сумятица, глупая, и одновременно, спасительная: с одной стороны, раз Аркадия нет в больнице (и в морге! свят-свят! тоже нет!), значит он не пострадал... и это хорошо. Но раз он не пострадал, значит он изменил с другой... и это отвратительно!

Когда вышли из отделения милиции, сверкала луна. Оптимистично гудели машины, крупной сеял снежок, прохожие торопились вернуться домой. Вечер формировался вполне себе рядовой, текущий, безликий, но...

...но что-то он заключал в себе. Что-то большее, магическое. Аура нового года благословляла его, а потому и фонари с глазами жёлтыми (нас вели сквозь туман), и луна (ущербная, огрызающаяся, острозубая), и хруст снега под ногами, и даже цепкий морозец – всё это казалось волшебным.

Как минимум, необычным.

Далеко вытягивая руки, Николай Дмитриевич натянул перчатки. Лида взяла дядю под локоть. Они двинулись вдоль забора в бодро-прогулочном темпе, и когда отошли шагов на двадцать, Лида проговорила:

– Я должна тебе сказать важную вещь, дядя. Дело в том, что Аркадий выиграл в лотерею. Огромные деньги.

– Шутишь? Откуда?

Лидия не шутила, лицо её завесило строгое выражение учительницы перед контрольной работой:

– На день рождения я подарила ему лотерейный билет. А незадолго... как раз перед...

– Перед тем, как он пропал? – помог Николай Дмитриевич.

– Да-да, верно... за пару дней до, вышла газета с таблицей. Аркаша выиграл десять тысяч. Он сам мне сказал.

Светофор вспыхнул красным. Пешеходы остановились. Николай Дмитриевич посмотрел на племянницу сверху вниз... в голове пролетела мыслишка, что страшенькая она бабенция... Лидуха... и несовременная совсем: "Так-то разобраться девка дородная... сиськи на месте и жопа толковая... К чему этот пуховый платок? Бабкино наследство что ли проветривает? Косметика почему отсутствует на выражении лица?"

– Почему не рассказала в милиции?

Загорелся зелёный. Лидия ответила рассудительно:

– А что бы изменилось? Они ведь всё равно не поверили.

– Тут ты права.

Вернулись домой. Переоделись.

Вечер тянулся тоскливо.

Долго и непонятно зачем смотрели телевизор (какую-то передачу про заполярных людей и животных), потом вяло с неинтересными повторами перемывали косточки общих знакомых. Ужинали... без малейшего аппетита... Дома Николай Дмитриевич привык (невзирая и несмотря) выкушивать четвертинку водки, а уже потом, разомлев и подобрев, и почувствовав внутри себя "зарождение энтузиазма", приступить к трапезе, хлопнувши жену (ту самую многоброшенную кобру) по крупу: "Давай-ка, мать! порубать!"

Такая процедура примиряла с действительностью. Вдохновляла.

А тут?

"Как Аркашка существовал в подобном Мире? Мне кажется, в этом доме я бы не выжил и одного месяца, задохнулся бы в этом воздухе..." – подумал Николай Дмитриевич.

Перед сном, постирав носки и вывешивая их на батарею, он решил, что надо задержаться на пару дней. Поддержать племянницу, помочь ей. "Десять тысяч – это мотив", – засела в голове неприятная нота.

Сказать откровенно, была и бескорыстная корысть. Николай Дмитриевич заведовал автомобильной базой в районе, приехал за запасными частями... а теперь имел (моральную) возможность задержаться в столице края на несколько дней. Можно было ещё раз-другой пробежаться по базе... всласть поскандалить со знакомым кладовщиком... во славу Божию и во имя наступающего Нового года. Плюс появ-

лялась возможность прогуляться по магазинам... пощупать продавщиц глазами и прикупить подарков. Наконец, формировавшаяся благодатная отдушка – возможность отдохнуть от семьи... от любимой жены... от хозяйства... притом, на законных и даже высокоморальных основаниях.

"Жаль спину не получится подлечить, – подумал Николай Дмитриевич, опрокидываясь в сон. – Ноет, проклятая..."

Близким другом Аркадия Лакомова считался Степан Полубесок.

Полубесок не любил слова "дружба" и не имел друзей, как таковых (так он утверждал), однако связи с Лаковым не отрицал и называл его товарищем: "Ты вслушайся. Вникни. Какое могучее слово – товарищ! Жаль, коммунисты его испаскудили!"

Дружба зародилась много лет назад, когда оба молодых человека поступали в один театральный институт. Лакомов пришел на вступительный экзамен в тонких брюках-дудочках (с искрою) и в красной рубахе с вышивкой.

Тут и родился конфликт.

"Алый акцент я, допустим, запросто мог пережить, – вспоминал, ухмыляясь, Полубесок, – но петухи на рубахе – это удар ниже пояса. Я Аркашке сказал вполне искренно... мол, такого пугала ещё поискать на Руси... он тоже в ответ что-то вякнул!" – смеялся.

Полубесок высказал Лакомову своё отношение. Лакомов ответил метко и колко, дескать, Степану негоже соваться своим свиным рылом в калашный ряд – там культурные люди обретаются. Стремительно, напоминая степной пожар, возникла драка... прямо в коридоре института... с воплями и кровавыми соплями... цветастую рубаху исполосовали в ключья... и нижнюю губу Полубеску изрядно надорвали – Лакомов умудрился вцепиться в неё зубами.

Результатом инцидента, оба абитуриента были отчислены. В том смысле, что их с треском не приняли.

Степан посчитал тот провал удачей, часто благодарил за него судьбу: "Кой чорт из меня актёр? Посмотри на мою внешность! Я актёр? Ха! Маялся бы потом всю жизнь... или спился, без малейшего толку".

Аркадий – на доньшке души – носил обиду.

Тогда, в юношеской эмоциональной суете он легко пережил отчисление. Не растрчивая времени, перекинул документы в медицинский вуз... правда, это потребовало значительных нервов матери (она занимала в пост в администрации) и некоторой суммы денег отца... зато не пропал год, и в армию стричься не пришлось.

Аркадий выучился, стал неплохим терапевтом. Театрального института не позабыл; внутри Лакомова, как невыболевший фурункул, застряла идея, что он родился для сцены... что талант у него недвусмысленный, и кабы развить способности и усилить – зазвучало бы по стране светлое

имя...

...а Стёпка Полубесок, с повадками чёрного кота, перешёл дорогу.

Рабочая студия Полубеска располагалась под крышей трёхэтажного здания. Иван Дмитриевич поднялся по зачумлённой лестнице, нашарил глазами номер квартиры. Чуть помешкав, высморкался в обе ноздри, сунул платок в карман, обернулся зачем-то, посмотрел в пятно окна и только потом постучался в филёнку (звонка рядом с дверью не было... в том смысле, что был он выдернут и болтался на проводах). Отступил на полшага, слегка оробев – Николай Дмитриевич впервые встречался с настоящим живым художником.

Дверь распахнулась во всю ширину, проём заполнила сумеречная фигура:

– Тебе чего?

– Поговорить хочу, – отозвался Иван Дмитриевич. – Про Аркадия Лакомова. Я родственник его жены. Дядя.

– Лидкин?

– Ну.

– Заходи, – фигура отступила в глубину пространства. – Только не мешайся часок. Спрячься на диване и сникни. Я работаю, вишь... нахлынуло на меня. Уразумел?

Не дожидаясь ответа, Полубесок вышагал к мольберту, сунул руки под мышки. Замер. Напрягся.

Мольберт был самым гнусным и старым. Слово "много-страдальный" описывало его вполне: едва ли на рейках можно было отыскать хоть место, не запачканное краской.

На мольберте на подрамнике стоял холст, и был наполовину... закрашен или загрунтован – Николай Дмитриевич не разобрался.

Полубесок медлил, "формулировал эмоцию"; она вырывалась из него электрическим полем высокого напряжения. Решившись, художник действовал быстро и грубо – насильно. Длинные мазки – раз! раз! раз! – серией, лавиной, потоком; за ними, почти не подбирая на палитре краску, летели штрихи мастихином, нарочито грубые, дерзкие. Художник рубил палитру, старался нанести холсту максимальный ущерб – такое виделось со стороны.

"Знатный мазила! – с восторгом подумал Николай Дмитриевич. – Ему бы заборы белить в доме престарелых".

Три четверти часа спустя, ухмылка оборотилась удивлением, и дальше – трансформировалась в удивление. Из потока штрихов, мазков, рытвин и ям проявилась... появились улица, и дом... и фигура человека – живого человека... и человек этот – просто поразительно! – шел, отмахивая правой рукой... двигался и, кажется, о чём-то сомневался...

Полубесок прекратил работу, вытер руки ветошью, похлопал по карманам, будто намереваясь закурить. Папирос не нашел, поморщился, движением пальцев, как веером, отшвырнул ветошку на деревянный ящик... тут же подошел,

сложил её дважды и опустил в боковой карман куртки, затем развернулся на каблуках, медленно протянул по студии взглядом... не замечая гостя абсолютно.

Это был ритуал, понял Николай Дмитриевич. Выход из вдохновения.

За форточкой на гвозде висела авоська, художник втянул её в комнату вместе с облачком мороза: коробка пельменей, плюс бумажный коричневый свёрток. В свёртке два элемента: помятый цирик чаю и бумажный пакет. В пакете – неожиданная брусника. Крупная, багрово-красная, притягательная, словно распарившаяся в бане баба.

Не удержавшись, Николай Дмитриевич спросил:

– А этот вот... чего? За пивом побежал?

Персонаж на картине держал в руке бидон, вдалеке у перекрёстка виднелась желтая бочка.

– Может быть, – неохотно согласился Полубесок. – Он сам ещё не решил, и мне не сказал.

– Ну, ты мастак! – восхитился Николай Дмитриевич. – Сила! У меня в автопарке один тоже так... механик, вообрази себе, так он мотор пятьдесят шестого газона с закрытыми глазами перебирает! Три класса образования, а умён, как чорт! Я ему говорю: "Ты уникам!" А он обижается: "Чего ты, – говорит, – лаешься?!"

– Так ты чего хотел? Дело пытаешь, аль от дела лытаешь?

Николай Дмитриевич сдержано пересказал про уход Аркадия, про Лидку и про милицию. Про билет говорить не

стал, приберегая козыря.

– Странное дело баешь, дядя... – Полубесок высыпал на стол горсть мёрзлых ягод, покатал одну пальцами, заметил краску на пальце, начал её оттирать. – Аркашка мог бы к Афине пойти, да она его не примет.

– Кто такая Афина? – уцепился Николай Дмитриевич.

– Так... никто... оторванный лист с прошлогодней берёзы. Не бери в голову.

– А кто ещё?

– Не возражаешь, если я пообедаю? Жрать охота, словно курсистке после экзаменов... хорошо сегодня писалось, снизошло.

На двухкомфорочную малосемейную плитку Полубесок поставил чайник (крупный, алюминиевый, затёртый), рядом кастрюльку. Кастрюлька тоже была алюминиевой, бывалой, супротив чайника – вполовину, или даже меньше.

Когда вода закипела, Полубесок всыпал заварку прямо в кружку, лентясь заварить чай в заварнике. Пельмени же потребовали к себе отношения.

Содержимое картонной коробки смёрзлось в камень, и Николай Дмитриевич ожидал конфуза, однако не тут-то было: Полубесок обхватил коробку двумя руками, как, наверное, взял бы за голову ребёнка "показать Москву" – положив ладони на уши и прижав локти к туловищу – затем, большими пальцами начал "отщёлкивать" отдельные ледышки-пельмешки прямо в кастрюльку. Отсчитав двадцать штук

остановился.

– Так ты зачем пришел? – спросил.

– Разузнать, – Николай Дмитриевич пожал плечами. – Человек не иголка. Надо найти. Вы, допустим, когда в последний раз встречались?

– Да... шестнадцатого... у меня, здесь... – Примяв коробку, Полубесок упаковал остатки пельменей, сунул в авоську. – Я картину как раз продал, притом чертовски удачно... прости господи, – художник быстро перекрестился: – Это ты мне чёрта в дом приволок, лишенец!

– Я??

– Со своим механиком. Забыл?

– Ну, извини.

– Извиняю. Я вообще-то не верующий...

– Так чего?

– А логика проста: я-то в него не верю, а он в меня верит.

Пельмени закипели, Полубесок покручивал в кастрюльке ложкой. Попросил гостя разыскать соль:

– Она там... в шкафчике на стене... слева у самой дверцы... всколыхни!.. в баночке!.. нашел? – одобрил: – Молодчик!

Добавил листового лавра, соли. Сдвинул кастрюльку с огня.

– Картину я продал, – повторил. – Деньги взял. Деньги отягощают, их нужно прогулять. Разумеешь? Как говорил Шукшин, шаркнули по душе... Пришел Володя из ТюЗа...

несчастливая личность, но талантливый человек! Любуюсь его работами, душа отдыхает! Павлик был из химчистки, как без него?.. неуютно, как жопе без геморроя... Кто ещё? Господи, как давно это было... будто в позапрошлом веке... Павлик, естественно, студенток приволок из тряпочки.

– Из тряпочки?

– Из института лёгкой промышленности. Такие громогласные девки попались, визжали от восторга, просили портвейна и мандаринов. Позже появился Аркашка, он, как обычно, обомлел, увидев девчонок, наговорил им комплиментов и быстро нарезался.

– Падок на женский пол?

Полубесок обиделся:

– Не говори чепухи! – сказал. – Аркашка идеалист. Он запоздал родиться – ему был уготован век поэтичный, восемнадцатый... или девятнадцатый, на худой конец. Но что-то в небесной канцелярии пошло не так. – Полубесок потрянул космами. – И вот, скажи мне, как после этого верить в бога? А?.. Нет?.. Аркадий превозносит женщину. Ставит её на пьедестал, а потом молится.

– Зачем?

– Вот и я говорю, зачем? Аркаша, говорю, женщины – они из плоти и крови, они почти, как люди, и живут среди людей. В них не более святого, чем в тюбике краски! Есть у тебя твоя Лидка – люби! Боготвори! Рожай детей, я не знаю, что там ещё полагается? В придачу, тёща и малиновое варенье...

в тазике... сентябрьским полднем.

– Июльским, – поправил Николай Дмитриевич.

– Что июльским?

– Малина бывает в конце июля.

– Тебе видней.

– Стало быть, жены Аркадий не любил?

– Трудно полюбить такую, – резонно ответил Полубесок, – рохлю. Лидка на годах совсем размякла. Хотя... она такая баба, как глина. В умелых руках принимает любую форму. Может стать королевой.

Полубесок похлебал пельменей. Часто останавливался, поглядывал на картину, хмурился. Николай Дмитриевич понял, что идёт противостояние художник—картина.

Спросил:

– А лотерейный билет?

– А что лотерейный билет? – Полубесок оторвался от кастрюльки. – Чепуха это. Шутка. Розыгрыш.

– Что значит, розыгрыш? Не понимаю.

– Да нечего и понимать. Аркашка уже порядочно нализался, потребовал вальс, содрал с Пахеля галстук, двинул его по морде... стал уверять, что и вовсе набьёт ему лицо... смех, да и только.

– Кто такой Пахель, – спросил Николай Дмитриевич.

– Ну, Пахель... – Полубесок несколько раз сжал и разжал кулак на вытянутой руке, словно сдавливая в нём губку или жменю незрелого сыра. – Как тебе объяснить... Индир Па-

хель – он везде. И всегда. Он нужен для удовольствия и размножения, неизбытен, как вши. Он работает на телевидении. У него стереофонический магнитофон и свежие записи.

Вверху что-то лязгнуло, крепко и массивно, будто проломилась кровля... потом по заиндевевшей шкуре затылка прокатился комок – громкий и колкий... жгучий, словно крапива... Николай Дмитриевич инстинктивно втянул голову в плечи и пригнулся, поглядывая в потолок. Полубесок успокоил, сказал, что опасности нет, что это с антенны оторвался кусок льда и покатился по крыше:

– Металлом крытая, – усмехнулся. – Медь и сталь. Позапрошлый надёжный век.

В полусекундной паузе, художник ещё раз стрельнул зрачками на картину, сказал, что гость его утомил:

– Тебе не пора домой, дядя? Ты назойлив.

– Я уйду, – обещал Николай Дмитриевич. – Только расскажи по билет. Просто расскажи, чтобы я знал. Правду расскажи.

– Ах, ты боже мой! – огорчился Полубесок, опять закудаhtал по карманам в поисках курева. – Я ж тебе уже говорил. Это шутка. Аркашка напился, лапал девчонок за талии. Как раз пришел Генка Легкоступов с полиграфкомбината, принёс кипу газет. Аркадий выкрикнул, что всех нас удивит, сказал, что у него лотерейный билет на десять тысяч.

– Допустим.

– Не перебивай— Полубесок погрозил пальцем. – Нерви-

руешь.

Продолжил:

– В "Известиях" напечатали таблицу. Я взял у Аркашки его лотерейку, а самого отправил танцевать.

– Становится интересно.

– Ещё бы! – огрызнулся Полубесок. – Дальше не ухватываешь?

– Нет.

– Тогда поясняю. Лотерейный билет оканчивался на две восьмёрки. У Аркашки, понимаешь? Две восьмёрки! А в газете пропечатали две тройки. Оцени кульбит рока, насмешку судьбы!

– И что?

Полубесок выпил через край остатки бульона из кастрюльки. С тоской осмотрелся по сторонам.

– Вот не люблю я говорить людям грубости, дядя, но ты тупой. Унизительно тупой! Я взял перо и подправил! Чего же проще? Чего же боле, как говорил Пушкин. Из троек смастырил восьмёрки!

Николай Дмитриевич сказал, что такое невозможно.

– Невозможно? – художник усмехнулся. – Да, запросто. Я пять лет в театре афиши рисовал. Без линейки и без опоры нарисую тебе прямую линию – в струну! Без задоринки. Рука тверда, и танки наши быстры.

– А зачем?

– Ты про билет?

– Ага.

– Философские вопросы задаёшь! Во-первых, я пошутить хотел. Обрадовать. Взбодрить публику. Десять тысяч рублей всегда выглядят победоносно, согласишься... и даже, если ты проигрался в пух на десять тысяч.

– Сомнительно. А во-вторых?

– Во-вторых?..

Полубесок вытряхнул из пакета горсть мёрзлых ягод – они бойко разбежались по столу. Одну из них художник поймал и приплюснул... из-под пальцев брызнула кровь.

– Когда я был молодым, я видел цель и не замечал препятствий. Двигался напролом.

Николай Дмитриевич согласился, сказал, что все молодые так поступали и поступают.

– Теперь я понимаю, что всякий "пролом" калечит судьбы... верно?... и меня это жмёт. На грудь давит. Вот возьми твой Аркашка... тысячу раз я ему говорил: радуйся! Радуйся, придурок! Радуйся, титька тараканья! Живёшь с Лидухой и радуйся! Чего ты рылом вертишь, словно закормленный поросёнок? Добротная ведь баба, покорная, нежная. Она ведь его любит, как святого, не надышится.

– Лидка?

– Ну, не я же! – огрызнулся художник. – Я подумал, что билет с деньгами он домой принесёт, как отец семейства, и... и что-то сдвинется... лёд меж ними растает.

– А он?

– Он!.. хм... он запал на Афину.

– А что Афина?

– А что Афина?

– Понятия не имею, у тебя спрашиваю.

– Афине он нужен, не более, чем рыбе зонтик, – ответил

Полубесок. – Если хочешь, поговори с ней. Она в ТЮЗе работает. Прима. Прима! Не фунт изюму.

Полубесок опять, будто в забыты, охлопал карманы, от картины перевёл взгляд за сумеречное окно, притих... Потом вдруг вернул своё внимание собеседнику, заговорил с неожиданным жаром:

– Ты послушай вот что. Как думаешь, куда он побежал? Не за молоком, не за квасом, не винишка побёг купить, а куда? Какая сила его влечёт?

Николай Дмитриевич слегка опешил, обнаруживая в глазах собеседника неожиданную совершеннейшую безумь... коя бывает в глазах шизофреников, например... или... или... а других душевнобольных Николай Дмитриевич не встречал.

– Я не знаю, – ответил медленно, с расстановкой, – видимо бежит в Миру такой-то невидимый поток... – проговаривал, стараясь попасть в настроение художника, – который несёт нас и толкает на поступки.

– Я тоже так думаю! – согласился Полубесок. – Возьмём Афину, вообрази себе яркий персонаж! Женщина! Фемина! Во всех смыслах приличной наружности. Завистливой....

в смысле, вызывающей зависть. А характер – стервозный.

– А какая баба не стервозна? – взвился Николай Дмитриевич. – Нет, ты назови! ты встречал такую? Вообрази, моя...

Полубесок перебил:

– Не таракти, бесхозный, слушай ухом! Мы не столица, допускаю. Славы маловато, касса – пшик! И не Париж, знаешь, тоже, будь он неладен... но ведь не хлебом единым! Она в театре прима! Режиссёры столичные ноги моют и воду пьют! Что ещё нужно для счастья?

– Не знаю, – ответил Николай Дмитриевич. – Сам задаюсь таким вопросом.

– И я не знаю...

В дверях, Николай Дмитриевич протянул для рукопожатия руку, Полубесок пожал её без энтузиазма, гуляя взглядом по сторонам, будто расстроился.

Тогда Николай Дмитриевич, чувствуя этот холодок, осторожно попросил:

– Ты это... не держи зла... я ж не хотел обидеть.

– Ступай с миром.

– Ещё один вопрос... самый последний. Кто знал, что ты билет надписал? В смысле, таблицу?

– Все знали, – Полубесок удивился. – Я ж не скрывал. И Федька видел, и Пахель... а Павлик просто догадался... у него работа такая обо всём догадываться.

– Он на автомойке работает, верно?

– В химчистке, – поправил Полубесок. – Ему пять лет светит, как нам с тобой солнце. Под следствием он, и подписку давал... ан, живёт себе, припеваючи... что значит, позитивный человечек. Учись, дядя. А Афине не верь. Не верь. Ты же пойдёшь к ней, верно я разумею? Она тебя в дугу согнёт в два счёта. Станет про ум говорить – не верь. И про правое сердце – брехня! Я видел её рентгеновские снимки – обычная баба...

Надвинулись сумерки, городской народец потихоньку зауетился. Троллейбусы и автобусы не казались более пустыми спичечными коробками. Наступало время, которого Николай Дмитриевич категорически не любил: зима, истоптанный грязный снег... в небесах провисла серая половая тряпка...

Справедливости ради, в районе бывают точно такие же дни... но там тряпка остаётся тряпкой, снежная жижа под ногами – всего лишь жижа... и "ничего подобного". И если бабка движется в магазин вдоль дороги, то это просто бабка... старуха без малейшего апломба.

В городе в серый кисель сумерек всякий вечер опускают цветные лампочки – гирлянды, огоньки афиш, витрины магазинов. Машины начинают светиться фарами... Но всем этим ярким светлячкам требуется время... и неожиданная помощь ночи: ночь убивает серость, в её угольном контрасте

гирлянды начинают смотреться нахально.

Нахальство Николай Дмитриевич любил:

"Нахальный человек живёт, и умирает", – говорил он.

"И в чём разница? – уточняли коллеги. – Естественный путь".

"Путь-то естественный, – откликнулся Николай Дмитриевич. – Качество разное: живёт энергично, умирает легко".

Перед театром стояла ёлка. Николай Дмитриевич механически отметил её высоту – метров в шесть или восемь – подумал. Подумал, что директору она стоила ненужных хлопот.

Ветви были наряжены персонажами из "Щелкунчика" – синеокими принцессами, слонами, мартышками в красных чепчиках, – всего этого богатства Николай Дмитриевич не заметил... равно, как не ухватил музыки Чайковского – она украшала собой пространство.

Скользнул мимо ели, приблизился к парадному. Поискал глазами веник, чтобы стряхнуть с галош грязное – веника не обнаружил. Вместо него вдоль ступеней прохаживались кавалергарды в костюмах мышей. Зубастые переростки, с длинными неприятно-правдоподобными алебардами.

"Ах, ты господи боже мой! – подумал Кока звонко. – За что напасть такая на нас грешных! И так много всякой дряни на свете, а ты еще и театров наплодил!"

Кока (Кокою звала Николая Дмитриевича мама, мир её праху) вошел в двери, дивясь их дубовой мощи и высоте,

осмотрелся... решил, что не так всё сумрачно вблизи: "Ну, театр, ну, юного зрителя... что тут удивительного?... здесь может тоже люди работают... и тоже, небось, на окладах".

Через вестибюль целенаправленно передвигался рабочий. Нёс лестницу и явственно к чему-то стремился – полы халата развевались, словно шарфик Айседоры Дункан. Кока привлёк внимание служки дружественным жестом, вполголоса попросил найти Афины Завьялову.

– А чего её искать? – удивился рабочий, не поддержав интонации вопроса. – Вон она, присутствует в непосредственной близости. Товарищ Завьялова! – окликнул на полных лёгких. – Вас здесь мужчина из района ожидает. Сможете подойти или отказать ему в аудиенции?

Николай Дмитриевич покраснел до кончиков ушей, подумал: "Вот же скотина! Чудак на букву мэ! Обозначил помоями с ног до головы!"

Цокая каблучками, подошла Завьялова. Застрекотала:

– Слушаю вас. Что вы хотели? Вы из детского сада касательно утренника?

– Нет... касательно... утренника.... – Николай Дмитриевич мотнул головой, отрицая свою причастность к детскому пастбищу, пятернёй стянул шапку, сконфузился, что сидит. – В принципе, я...

– Вы только не мычите, товарищ. Не тратьте моего времени. Через полчаса у меня запись фонограммы, я должна отдохнуть.

Интонация Завьяловой была проходной, серой, словно утоптаный снег. С таким выражением в магазине картошку выбирают, не слишком мелкую, но и не крупную – среднюю. Серость задела Николая Дмитриевича.

Придавая словам достоинство, он выговорил:

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, касательно Аркадия Лакомова.

– А что с ним?

– Он пропал.

– Пропал? – удивилась Завьялова. – Зачем? Куда? А вы ему кто?

– Я из милиции, – соврал Николай Дмитриевич, моментально прикинув, что на запрос показать удостоверение, откликнется, будто оно в управлении, его продлят: "Можете позвонить и уточнить мои полномочия". Слово "полномочия" всегда успокаивало, Кока знал это по личному опыту.

Завьялова подняла брови... замерла на половину такта... в глазах появились растерянность и чёрточка тревоги... тем не менее, взгляд задержался на собственном отражении – рядом висело зеркало от пола до бесконечного потолка.

– Прекрасно! – проговорила она с неожиданным ударением. – Я знала, что этим закончится! Спрашивайте!

– Мы не могли бы... – Николай Дмитриевич крутанул пальцем (жест приметил в кино), хотел сказать, что чашечка кофе будет к месту.

– Как это скучно! – перебила Завьялова. – Кабинет, кофе.

Давайте лучше я покажу вам театр. Вы ведь у нас впервые?

– Впервые, – согласился Николай Дмитриевич. – Хотя в театрах бывал. Даже в Большом, представьте.

"Снаружи", – добавил мысленно.

– Тогда вам будет интересно.

Завьялова повела от гардероба (вешалки, с которой начинается театр), через холл с колоннами и бюстами, через вытянутый зал с "пятном" откидных кресел – здесь разместились два концертных рояля, едва касаясь друг дружки "носами": "На них играют Штрауса и ноктюрны Шопена. А сидячих мест специально немного, чтобы сохранить пространство – публика здесь вальсирует", далее через галерею с фотографиями, вдоль бесконечных коридоров, по всей топографии театра.

Временами Афина вскидывала красивую руку в красивом жесте и красивым поставленным голосом сообщала:

– Вот посмотрите, фотография Немировича-Данченко... он ставил в нашем театре пьесу Шекспира... вы ведь знаете, кто такой Немирович-Данченко? Да? Удивительно... – Поддевала умело, отточено-женски. Обижала, но повода обидеться не давала, ведь невозможно было утверждать наверняка, чему именно мадам удивлялась... вашему ли скудоумию, ли, что Владимир Иванович посетил губернский театр и даже поставил в нём "Шекспира". – А это Марлен Хуциев, ни боже мой, он приезжал к нам в театр адресно, набирал артистов для своего нового фильма... вы не могли не видеть

этого кино. Видели? Едва ли... а жаль...

Николай Дмитриевич подумывал, что хорошо бы осадить дамочку резко... посадить её в лужу, со всеми её театральными пафистосами. Как зарвавшегося водителя-дальнобойщика.

Что-то мешало.

"Кралья хороша! – признавал Кока. – Вне сомнений. Недаром Аркашка на неё запал... он всегда был падок на пёстрое и яркое... фу ты чорт! подумал о человеке в прошедшем времени! Да жив он! Жив! С чего бы ему сгинуть?!"

И далее:

"Но ты возьми вот что: она тебя ошеломила, не нужно отрицать очевидное. Заметь, ошеломила походя, не добиваясь цели и не прикладывая усилий... ты ей не нужен, но подцепила... а это стыдно... тебе без малого полтинник, а дрогнул, как сопляк. Она заметила, что ошеломила, усмехнулась... а ты, дурак, нет, чтобы скрыть промашку, так распахнул хлебало. Теперь и она знает... и ты знаешь, и она знает. И она знает, что ты знаешь".

– Послушайте! – Николай Дмитриевич решился на хитрость, придумал пойти на уступки, чтобы не проиграть сражения. – Я очарован вашим театром, вашей эрудицией и вашими гостями – они великолепны. Но случилось худое, пропал мой племя... пропал гражданин Лакомов. И данные, извините, весьма нехорошие.

– Он убит? – резко спросила Завьялова.

– Почему убит? – опешил Николай Дмитриевич. – Жив он... чего ему сделается?

Завьялова пожала плечами:

– Вы сказали, пропал...

– Пропал и убит – не одно и то же. Не путайте меня, гражданка. Вы когда видели Аркадия в последний раз?

Она задумалась. Николай Дмитриевич имел возможность рассмотреть Завьялову ближе.

Среднего роста, стройная: "Нижний мост неплох, и бюст имеется... ничего сверхъестественного, хотя..."

Жизнь учила Николая Дмитриевича, что женщины встречаются двух типов. Бывают красивые... привлекательные... умные и домовитые, но – чего-то им не хватает. С такими уютно бывает провести ночь и прожить неделю... даже месяц – такое случается в практике. Потом с ними устаёшь. Почему? Кажется странным, меж тем, изнашиваешься от недостатка.

Парадокс?

Парадокс...

Жизнь полна парадоксов.

Второй тип, это женщины обыкновенные. Они не слишком хорошо готовят, Привычно-Как-Все одеваются (хотя стараются отличиться), исправно посещают косметические салоны (зачем? непонятно, видимо, чтобы не отставать). Женщины этого типа не навевают подспудных мыслей о Софи Лорен...

Они никогда не прыгнут выше головы, и даже не пытаются прыгать. Но что-то в них есть.

Изюминка.

С ними бывает интересно... в том смысле, что покуда выколупываешь эту "изюминку", проходят годы... привыкаешь. А привычка... про привычку лучше всего сказал Александр Сергеевич: Привычка свыше нам дана, замена счастию она!

Афина неспешным, устало-выверенным шагом двинулась вдоль коридора. Коридор, надо признать, производил впечатление: высокие потолки, ненавязчиво-зелёное оформление, панели в три четверти роста... на одной дубовой панели наметилась трещина от сучка, Кока коснулся её кончиками пальцев – в средней школе он занимался резьбой, с той поры фактура породистого дерева заставляла его трепетать.

– Встречались давно, – Завьялова посматривала на Николая Дмитриевича. Но не постоянно, стреляла маячками, как стробоскоп. – Кажется давно... или недавно... у нас сейчас утренники, вы учитывайте. Время смешалось. Как у Лермонтова, в "Бородино" припомните: смешалось время, люди, кони. Я даже не скажу, когда точно виделись. – Тронула пальцами виски. – И какое это имеет значение? Вам надо проверить Полубеска. Степан Полубесок легко мог убить Аркадия.

– Убить? – переспросил Николай Дмитриевич. – Степан?

Почему вы так думаете?

– Вы видели его руки? – Афина развернулась, сложила ладони чашею, заглянула в них. —Такими руками можно задавить телёнка.

– Наверное, – осторожно согласился Кока. – Но зачем?

– Что, зачем?

– Зачем ему убивать лучшего друга? Тем более телёнка.

– Лучшего друга?! – удивлению Завьяловой не было границ. – Да они люто ненавидели друг друга!

Дала паузу, ожидая реакции "сыщика".

"Сыщик" смешался и молчал. Пробурчал "гм-м", потёр лоб.

– Из вашей реакции заключаю, что вам неизвестна та история, – проговорила Афина. – И вы не знаете, что Полубесок был с женой Аркадия.

– С Лидией? – теперь удивился Николай Дмитриевич.

– С Лидией.

Николай Дмитриевич уточнил, что значит "был". Завьялова вытянула указательные пальцы и потыкала ими друг в дружку, не оставляя вариантов. Тогда Николай Дмитриевич попросил прояснить обстоятельства.

История не отличалась оригинальностью. Молодые люди собрались отпраздновать начало весны, заготовили вина и мяса, отправились на берег реки. Компания самая дружная: Аркадий с Лидией, Степан Полубесок с Мариной...

– Был ещё кто-то из типографии, – Завьялова перечисля-

ла, – и этот ещё неприятный хмырь с магнитофоном. Я никогда его не любила.

– Во-первых, кто такая Марина, – уточнил Николай Дмитриевич. – Во-вторых, когда именно это произошло?

– Во-первых, не перебивайте, это невежливо. Во-вторых, я сама вам всё расскажу. Это произошло пять... или семь лет тому. Марина – это натурщица, девушка, не лишённая привлекательности, однако личность мелкая и склочная. Стёпка писал её портрет, а перед этим она позировала ему для афиши фильма... между нами, потаскуха она первостатейная.

Николай Дмитриевич отметил грубое слово – неожиданно грубое – и смену интонации.

– В плане культурных мероприятий, ничего интересного не было. Основная забава, это купание Полубеска – он нырял в ледяную воду, распихивал льдины и плавал. Ещё танцы под "Аббу" и шашлыки.

– Кто жарил мясо? – спросил Николай Дмитриевич.

– Геннадий Легкоступов. У него родственники в Таджикистане, они присылают ему специи.

– Ну и?

– Что, ну и?

Николай Дмитриевич повторил жест указательных пальцев Афины.

– Ах, вы об этом! – Афина глубоко вздохнула. – Степан с Маринкой поругались, она немедленно уехала. Потом Стёпка напился, и... вот.

– А что делал Аркадий?

– Он спал.

– Понятно, – проговорил Николай Дмитриевич.

Хотя ничего понятно не было. Ничего не прояснялось.

Более того, дело путалось и вязло. Напоминало верёвочный клубок, когда тянешь за одну петельку, надеясь упростить "проблему", а вместо кончика вытягиваешь неожиданный узел... и понимаешь, что лишь только туже всё затянул.

– А вы? – спросил. – Что делали вы?

Завьялова сверкнула очами. Отказаться было невозможным, слишком много деталей она сообщила. Тогда она проговорила:

– Я значительно умнее, чем это нужно для счастья. Я покинула компанию засветло... мой удел – сцена. Я служу Мельпомене, и глупые человеческие игры не для меня. Уж простите!

"Э-нет! Шалишь, брат... в смысле, сестра! Лукавишь!" – злился Кока.

Завьялова распрощалась с ним, напомнив, что у неё вот-вот должна начаться запись: "Режиссёр будет записывать фонограмму. Мои голосовые связки должны отдохнуть, голубчик!"

"Непременно!" – поклонился Николай Дмитриевич.

Он передвигался по тенистым кулуарам театра, нащупывая выход, а в большей степени, давая себе время для раз-

мышлений:

"Никуда ты не убежала с того пляжа, актриса, ты всё видела, смотрела во все глаза... Но зачем? Зачем ты рассказала мне? Сплетничала?.. – Становилось смешно, потом, без перехода, грустно. – А ведь она права, Полубесок мог придушить Аркашку запросто... не в том смысле, что убил, а защищаясь... первым полез, понятное дело, Аркашка, выпил для храбрости и полез мстить за жонкину честь, дурачок... ага, допускаю, семь лет спустя решился на возмездие! Семь лет! – Мысли толкись в голове, напоминая голубей, которым кинули пригоршню проса. – А хотя бы и семь... почему нет?.. дело чести не имеет срока давности. Случилась драка, Полубесок удавил конкурента, а теперь строит из себя невинность..."

Вслух Кока передразнил художника:

– Куда он побежал? Не за молоком ли? не за квасом? не винишка ли побёг купить?!

Вдруг неожиданная на себя досада:

"Фу ты, господи! О билете не расспросил, разиня!.. – Афина следовало задать вопрос о лотерейке непременно. С другой стороны: – А что бы это поменяло? Ничего! Афина дышит и врёт... врёт и дышит... правды для этой женщины не существует вовсе, как нет для неё и лжи – существует лишь только её трактовка и неправильная. Восхитительная женщина! Мечта поэта!"

Мировоззрение Николая Дмитриевича лопнуло... в смысле, дало трещину... в смысле, в ранжировании женщин на "что-то есть" и "чего-то не хватает" появилась третья уникальная категория – Афина Завьялова.

Кока остановился и вытянул руку – он опять оказался возле дубового сучка. Значит, он ходил кругами. Завьялова водила его за нос.

"Мы трижды прошли мимо её гримёрки, однако внутрь она не пригласила".

В это мгновение Николай Дмитриевич остро пожалел, что втянулся. Опыт подсказывал, что поток лжи только начался: "А я под ним верчусь, напоминая школьника под дождём, – ухмыльнулся. – Когда влюблённый дуралей ждёт свою пасию. С другой стороны, иначе бы я не познакомился с Афиной".

Завьялова не вписывалась в схему. Была исключением. Ей очевидно нравилось быть женщиной, нравилось влиять на противоположный пол и соблазнять, но – и в этом таилась исключительная загадка! – она хотела быть мужчиной! Мужчиной, чтобы повелевать и владычествовать напрямую, без посредников.

"Внутри неё стоит добротный турбированный движок, – размышлял Николай Дмитриевич, – однако коробка передач и рулевое управление нехороши".

Ещё подумал, что кабы годков было меньше, так увлёкся бы Афиной с головою... со страстью, с цветами и гитарой под балконом... а теперь? теперь токмо заунывная мысль:

"Несётся она куда и как попало. Без царя в голове живёт. Кабы ей мужа авторитетного бог послал, вроде меня, чтобы тот взнуздal, растолковал что почём... ан время от времени и фингал поставил... так нет такого мОлодца... пропадёт баба попусту, а жаль".

В преисподней театра что-то треснуло, будто разорвали простыню, следом заиграл оркестр – его не было слышно в полной мере, однако звуки духовых доносились: геликон волновал атмосферу, звуки литавров делили пространство на доли.

"Фонограмму пишут, – сообразил Николай Дмитриевич. – Пошла запись".

– Здравствуйте! – проговорило откуда-то сбоку, притом таким неожиданным и ласковым тоном, что Кока отпрянул и поднял кулаки.

– И тебе... здравствуй, – ответил, – незнакомец. Если ты не призрак.

Из-за портьеры, из закоулков драпировки (так показалось), на самом деле из дверей с биркой "Администрация" появился человек. Человек в высшей степени непримечательный. Среднего роста, не широкий, не тощий... Николай Дмитриевич обежал его глазами и подумал, что мужчине

лет чуть больше шестидесяти... однако ни щетины на лице нет... нет и седины в волосах, даже роскошного серебряного локона (о котором мечтают щёголи) – нет. Шатен, примятый возрастом и бытом.

"С такой физиономией замечательно грабить сберегательные кассы, – думал Николай Дмитриевич, – ни один свидетель не запомнит".

Меж тем, Человек Без Лица протянул Коке узкую ладошку и назвал:

– Григорий Алябьев. Имею честь рекомендоваться. Другья зовут меня Груней.

– Николай... Николай Дмитриевич... если позволите.

– Позволяю! А вы, собственно, кто? По делу к нам, голубь? Или так...

– Естественно, по делу, – огрызнулся Николай Дмитриевич. – Кабы не было повода, зачем бы я припёрся? – Театр утомил его своей натуральной фальшью. – Из прокуратуры.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Алябьев. – Быть может, вы ищите Аркадия Лакомова?

– Допустим.

– Прекрасно-прекрасно, голубь! – всплеснул бровями Алябьев. – Просто восхитительно! Значит, он ваш знакомец, передайте ему, пожалуйста, денежку! – Из-за спины он вытянул кулак с купюрами и монетами: – Семь рублей и сорок две копейки, будьте любезны!

Отказываться от денег Кока не имел привычки. Он при-

нял "пятёрку" и два замызганных рубля. Всыпал мелочь в карман.

– За что деньги? – осведомился сухо. Руку Алябьева придержал.

Тот попытался вырваться:

– Позвольте! – воскликнул. – Откуда такие манеры, голубь? Вы из провинции?! Аркадий играл в спектакле, ему полагается выплата! Он заработал!

– Ага, так я тебе и поверил! Излагай подробнее... Груня.

В тумане расследования появился вектор.

Надобно отметить, что даже пребывая в нервном возбуждении Николай Дмитриевич не считал свои поиски следствием, а расспросы допросами. Вероятность гибели племянника казалась комичной. Его пропажа – бытовой неразберихой. Вот-вот должна была вспыхнуть чеховская шведская спичка, и Лакомов Аркашка нарисовался бы "из прорешки бытия", словно чортик из табакерки – оказался бы дома в жесточайшем "мандариновом" похмелье, как вариант... или вернулся бы из неожиданной командировки в "тифозную область галактики".

"А мне ещё придётся их мирить, – ухмылялся Николай Дмитриевич. – За дурость. Ну, гульнула, Лидка, ну, вильнула хвостом... хотя, конечно, удивительно... трудно вообразить такой кульбит".

В продуктовом магазине воняло чем-то ласковым, знакомым, дружественным. Николай Дмитриевич зашел целенаправленно, собирался купить харчей к ужину. Лидия работала в ателье приёмщицей, сегодня – во вторую смену. Значит, вернётся домой после девяти и уставшая.

"Столоваться придётся одному, – соображал Николай Дмитриевич, огибая ликёроводочный отдел тоскливой поступью. – Отварю пельменей по-быстрому и завалюсь спать".

Но едва он увидел строй коробочных пельменей, как явственно почуял запах скипидара и масляных красок. Отшатнулся и пробурчал:

– Нет, нутром чую, пельменей мне сегодня не есть.

Взял вермишели... с запасом взял, щедро. Бычков в томатном соусе пару банок (как аварийный вариант). Направился вдоль стеллажей...

"Вечером восемнадцатого числа в театре давали премьеру, – приводил в порядок полученную информацию. – Аркашка участвовал в постановке. Ролька дрянная, насколько я понимаю, в три реплики, однако факт остаётся фактом: он играл, а значит гримировался под своего домового... или дармового?... ох, ты господи, до чего эти театральные невнятный народ... Аркадий отпросился с работы, явился в театр, загримировался и выходил на сцену в первом и во втором актах... Афина не могла его не видеть, они играли вместе... но она не подтвердила. Также открытым остаётся вопрос, зна-

ла ли она о билете? И что случилось после спектакля? Полагается отметить премьеру, раз она была удачной... так Алябьев сказал".

В магазине было нетипично спокойно. Ноги принесли Николая Дмитриевича в мясной отдел. Здесь почему-то совсем обезлюдело, словно на Луне перед высадкой космонавтов. Над стеклянным прилавком высилась одинокая голова одинокой девушки-продавщицы... плюс Кока – с противоположной стороны, – а более никого.

– Ну, здравствуй! Варвара-краса длинная коса! – проговорил Николай Дмитриевич.

Имя девушки он прочёл на пластиковом треугольничке: Варвара Новикова. Коса до пояса говорила сама за себя.

Продавщица улыбнулась, поправила наколку, погладила гипсовую собачку – она стояла на столике у разделочной доски.

– А что... голландские куры есть? – спросил Николай Дмитриевич. Он где-то слышал, что голландские особенно нежны и высоко ценятся городскими.

Продавщица Варвара развела руками:

– Голландские закончились ещё утром. Разобрали всё до последней. Остались наши, советские.

Николай Дмитриевич наклонился, сквозь стекло рассматривал сиреневые вытянувшиеся в диагональ трупки.

– Какие-то они бледные.

– Это двухлетки, – пояснила продавщица.

– Ай-яй-яй! Совсем юные! – сострил Кока. – Ещё жить да жить!

Варвара рассмеялась, сказала, что куры-несушки живут два года:

– Два года они несут яйца, а потом на убой.

– Жестокий мир, – посочувствовал Кока. Рядом с этой девушкой ему хотелось быть молодым и остроумным. – Или так: мир к женщинам жесток... как написал Шекспир в семнадцатом сонете.

Варвара опять улыбнулась. Николай Дмитриевич рассмотрел шрам на её щеке: как будто колупнули ямку стамеской – округло и аккуратно. Ямка затянулась, но кожа не выровнялась. Шрам не портил лица, однако... однако очарование улетучилось. Дюймовочка не казалась более Дюймовочкой.

– Вы рассуждаете предвзято, – сказала Варвара. – Из этих кур получается прекрасный бульон. А если мясо отбить, как следует молоточком, или замариновать, или варить чуть дольше, можно приготовить второе.

Николай Дмитриевич кивнул. Не соглашаясь, впрочем, и не отрицая.

– Вам для чего? – спросила продавщица.

– Мне то?.. как тебе сказать... самогон собираюсь настоять, старожилы советуют, говорят вкусно получается. А покажи мне вот эту, сизую гражданочку, – он ткнул пальцем в стекло.

Варвара подняла и показало "тело".

– Не годится, – огорчился Кока. – А вот эту?

Следующая курица восстала и повертела телесами.

– Может быть, эту? – Николай Дмитриевич ощутил, как у него загорается за рёбрами... где-то внутри в подонках души запыхтел огонёк демона власти. Упоительно-нахального, обжигающего и окрыляющего.

Варвара показала следующую курицу... и следующую... потом их всех отложили, в угоду первому варианту – к нему вернулись, и даже взвесились... курица оказалась слишком массивна.

Вторая была мала. Третья имела нездоровый оттенок ног: "Какие-то они немые!" Четвёртая производила на покупателя обще-удручающее впечатление.

Опять вернулись к первому варианту, однако и его, после подробного обсуждения, отвергли. В который раз.

– Напрасно вы считаете её большой, – проговорила Варвара. – Из грудки приготовите отбивные, а спинку и гузку с крылышками отправите вариться. Через два часа получится прекрасный бульон!

Говорила она без малейшего напряжения... без нервозности или усталости.

Николай Дмитриевич сдался первым, сказал, что будет жаловаться, что невозможно так измываться над покупателями:

– Ты из меня всю душу вынула, Варвара! Я тебе в жалоб-

ную книгу кляuzu запишу... благодарственную! Полчаса ты надо мной изгаляешься! Я тебя и так, и эдак терроризирую... нормальная продавщица бы меня уже дважды погнала метлой из магазина, а ты... ты, вежливая, как грампластинка с кубинскими фокстротами!

– Так вы же хотите курочку! – удивилась девушка. – За что вас гнать?

– Давно уже не хочу! – воскликнул Николай Дмитриевич. – Не хочу! Appetit пропал! Чего хочу, так это вывести тебя из себя!

– Зачем? – Варвара сложила губки буквой "О", и снова превратилась в Дюймовочку.

– Не-ет! – простонал покупатель. – Ты просто богиня спокойствия! И как с тобой муж выживает?!

– Нормально, – она удивилась вопросу. – Как все.

– Вот расскажи, – попросил Николай Дмитриевич заинтересовано, – как у вас утро проходит?

– Вы спрашиваете про те дни, когда я не работаю?

Кока махнул рукой, мол, валяй, рассказывай, когда не работаешь.

– Я просыпаюсь ровно в шесть, умываюсь, готовлю завтрак и варю мужу кофе. Приношу ему напиток, когда он ещё спит... и он просыпается бодрым и жизнерадостным.

– Признайся, он вопит, что ты забыла добавить сахар? или что кофе слишком горячий? или что ты опоздала на целых семнадцать минут?

– Нет, я не опаздываю. Он пьёт и благодарит. Целует. Улыбается.

– И так каждый день?

Варвара потупилась, чудной покупатель её забавлял:

– Почти каждый.

– А если он врёт? Если разлюбил тебя давно? Где доказательства? Где обновление отношений? Где добротный скандал? Где, наконец, драка с последующим примирением в койке?

– Господи! – она обомлела. – Что вы такое говорите? У нас такого не бывает!

– Но как же ты веришь, что он тебя любит?!

– Он мне говорит.

– Подарки дарит?

– Нет, просто говорит.

"Чувства!" —

Николай Дмитриевич размышлял о "войне полов" охотно и регулярно. Среди коллег и знакомых он считался "ходоком" и "юбочником" первостатейным. Кока поддерживал такую репутацию, усматривая в ней браваду и достоинство. Меж тем, он никогда не изменял жене. Более того, мысль сплести ноги с другой женщиной вызывала у него омерзение.

"Изменять нет нужды. Изменять глупо! Просто чувства необходимо обновлять... как масло в моторе или побелку на потолке".

В молодости Кока дрался с любимой женой до крови. Однажды она так отрихтовала его скалкой (удачно схватила орудие, когда диспут разгорелся на кухне), что муж три недели провёл в санатории.

И что вы думаете? Иные пары после такого "избиения младенцев" разводятся, в семье Николая Дмитриевича воцарилась благодать и зацвели райские кущи. На полгода или даже дольше.

"Чувства – они, как постромки, их постоянно нужно подтягивать. – Николай Дмитриевич смотрел на продавщицу Варю и не понимал, как такая молодая красивая (кровь с молоком во все щёки) девка может быть такой малахольной. – Отношения постоянно нужно выяснять... не для того, чтобы что-то там выяснить (меж мужиком и бабою ничего сложного нет, не теорема Пифагора!), но, чтобы каждый день обновлять любимую, заставляя её жить! и меняться самому в бесконечной жажде. Отношения не терпят застоя, неужели вы этого не понимаете?!"

С возрастом оба угомонились. Супруг (Кока) по мере сил подначивал супругу на ссору, но та – вот безгранично хитрое создание! – не шла на открытый конфликт. Женщина изучила мужа, и умела вызывать его ревность мелкими штрихами – взглядами, намёками... безответными телефонными звонками, недоговорёнными фразами.

Строго говоря, Николая Дмитриевича громили его же собственным оружием.

"Хорошо живётся мусульманам, там каждый день муж имеет право на свежую жену. Что делать нам, православным? Изменять? Никоим образом! Измена низит... выхолащивает душу! Если нет возможности сменить супругу, надо... – в этой точке размышлений Кока обычно хлопал себя ладонями по пузу, – обновить супругу! Надо заставить её измениться! И лучший для этого способ – скандал!"

В качестве компенсации за своё поведение, Николай Дмитриевич купил квадригу кур-двухлеток – "Лидке сгодятся", – вышел из магазина довольный и полными лёгкими втянул городской сизый воздух.

Жизнь казалась прекрасной.

Лидия стелила дяде на диване, в зале. Сама ложилась в спальне.

Меж залом и спальней существовал коридор в два аршина шириною.

С "рождением" коридора тоже связана история. По задумке архитекторов, одна комната (двухкомнатной квартиры) смыкалась со второй, а уже потом обе "ячейки" выходили в коридорчик к кухне и ванной. Кажется, это называется "проходной зал". Однажды Лидухе засвербело в одном месте, и она потребовала от мужа разделить комнаты: отлучить от зала кусочек и превратить его в продолжение коридора.

В идейном смысле, посыл был верен... кабы дело происходило, допустим, в замке английских лордов. На практике, получился заполненный бытовой мелочью коридорчик, плюс, маленький куцый зал, напоминающий келью монаха... который молится югославской "стенке" (за шестьсот рублей) и австрийской люстре в такую же цену.

Хрустальную люстру о двенадцати рожках, промежду прочего, Николай Дмитриевич доставал лично... ко дню рождения племянницы... в подарок.

– Лида, ты спишь? – вполголоса спросил Николай Дмитриевич.

– Нет, – ответила племянница. – Как будто,

– А чего?

– Сон бежит. Сегодня приходила скандальная заказчица... всю душу вынула, стерва. Все образцы перевернула, все ткани перемяла, всех мастеров обругала.

– И чего?

– А ничего. Ушла и ничего не заказала.

– На учёт таких надо ставить! – посочувствовал Николай Дмитриевич. – В поликлинике. Отвратительные встречаются в природе личности... сам часто сталкиваюсь с такими типусами.

Помолчали, прислушиваясь к ночи. Ходики сговорчиво тикали. На улице протарахтел автобус.

Николай Дмитриевич спросил:

– Ты помнишь Эдика Усольцева? Вы с ним сидели за одной партой, кажется. В десятом классе.

– Конечно, помню. Мы очень дружили. Я думала, стану его женой.

– Да-да, это он.

Опять пауза, опять ночные колдовские звуки.

– И чего? – Николай Дмитриевич.

– А ничего. Его родители в Мурманск уехали. И Эдик с ними.

– Жаль...

– Ты даже не представляешь, как! – Заскрипел матрас, Лида приподнялась на локте; в бликах луны, Николай Дмитриевич видел её намазанный кремом лоб и голое плечо. – Знаешь, как я его любила! Жизнь бы отдала, кабы он приказал... сказал бы, иди в огонь – пошла бы не задумываясь!

Николай Дмитриевич выгнулся под одеялом на "мостик", поправил перекрутившиеся "семейки". Спросил об Аркадии.

– Аркадия я люблю! – искренно ответила Лида. – Всей душой. Каждой клеточкой тела! Каждый мой вздох о нём.

– Дак?.. и как же? – удивился Кока. – Одно с другим? И того любишь, и этого?

– Того любила, а этого люблю.

Лида не чувствовала конфликта или даже противоречия. Как верный солдат под присягою она отдавала себя без остатка всякому текущему командиру.

– Послушай... – Николай Дмитриевич помедлил, – а ты была с Эдиком? Как женщина?

– Никогда! – откликнулась Лида. – Ни одного разочка! До свадьбы этого нельзя.

– Ты верна мужу?

– Верна.

– Тогда почему с Полубеском легла?

В спальне зашуршала простыня, Лида вплыла в зал, заёрнутая в саван, как привидение.

– Тебе Афина нашептала?

– Допустим.

– Вот ведь дура! Сама Степана добивается, а на каждую женщину клеветает! Каждую юбку воспринимает, как личного врага.

– Афина? Добивается Степана? Не думаю. Мне показалось, они ненавидят друг друга.

На кухне задребезжал холодильник, из крана закапала вода, Лида попросила починить:

– Утром посмотришь кран?

– Посмотрю, конечно, посмотрю! – заёрзал Николай Дмитриевич. – Так что с Афиной?

– Она очень несчастная женщина.

– Афина?

– Да!

– Несчастливая? Этот сфинкс с мотором?

– Ты даже не представляешь насколько! С самого рожде-

ния. Она очень красивая, ты видел, но её мать была просто красавица. Академическая греческая красота: высокий лоб, идеальные пропорции... тонкий нос длиною точно в треть лица, и губы такие... как тебе объяснить... такие ещё называют призывными, к поцелуям зовущими. Когда она улыбалась, зрители в зале стонали – удивлялись, как все её жемчужные зубы уместаются во рту!.. Афина мне показывала фотографии. Мать пела в Большом. Замуж она не собиралась, детей, понятное дело, не хотела и беременность скрывала. Афина родилась у нас, здесь, когда театр был на гастролях. Недолго думая, мать пристроила младенца...

– В детский дом?

– Не перебивай, дядя! История настолько удивительная, что ты даже не можешь вообразить. Мать наняла кормилицу, дала ей денег, обещала высылать ежемесячно. Несколько лет высылала исправно, потом уехала в Париж, и там осталась. Там она, кажется, вышла замуж и оставила сцену.

– А ребёнок?

– Афина жила с няней.

– В смысле, они голодали? Скитались? Не ухвачу подвоха.

– Подвох в том, что Афина свихнулась на искусстве. Как начала понимать разницу меж мужчиной и женщиной, так и стала подбирать себе в мужья артиста. Но обязательно такого, чтобы с громким талантом. Блестящего. Когда закончила школу, поехала в Ленинград, поступила там в институт... каким-то туманным способом. А может законным – я

не знаю точно. В сущности, она способная девчонка, говорят, на олимпиаде по математике призовое место заняла. Летом, на втором или третьем курсе познакомилась с антрепренёром театра. Сошлась с ним, договорилась, что переведётся в театральный, несколько раз выезжала с труппой в область, на шефские спектакли. Говорит, что любила своего лысика безмерно.

– Лысика?

– У него волосы на темени вылезли, пришлось наклеивать парик... такую аккуратную нашлёпку сверху.

– Зачем?

– В театре оскорбительно быть лысым.

– Понимаю... на автобазе тоже лысым неприятно... но ты продолжай.

– Забеременела. Ребёнок родился здоровеньким, потом умер.

– Вот невезуха! Для женщины – трагедия!

– Напротив, смерть ребёночка... – Лида споткнулась. – И рождение, с смерть... она уснула во время кормления, и придавила девочку грудью... Афина всего этого как бы не заметила. И не горевала слишком. В этот период она боролась со своим мужем.

– С лысыком?

– Да, они поженились на седьмом месяце.

– Но это же хорошо? Разве нет?

– Хорошо-то хорошо, но он испортил её планы. Он должен

был стать звездой, а он бросил столичный театр и устроился к нам! Сказал, что так будет проще. Ближе.

Над ухом прожужжала ночная муха, Николай Дмитриевич цапнул её рукой, стараясь её поймать... но не поймал. Да и не муха это была вовсе. В воздухе мелькала подсказка/догадка. Её следовало ухватить.

– Послушай, а этот лысик... он такой вялый, среднего роста... фамилию носит Алябьев, верно?

– Откуда ты знаешь?

– Так... встречались... но ты продолжай! Делается немисливо интересно!

– Афина закончила учёбу, какие-то дисциплины сдала экстерном, хотя такая форма не предусмотрена – она умеет добиваться своего. Муж Алябьев перевёлся к нам, в ТЮЗ. Туда же устроилась работать Афина. Долго не подпускала мужа к себе, бесилась, потом перегорела, но от мечты не отказалась. Надеялась взлететь из ТЮЗа. Рассчитывала на новые яркие постановки, ждала, что её вскорости пригласят в столицу. Но даже не в этом дело. Она ещё верила, что Алябьев станет великим. А он тихонечко опускался: подпивал портвейн... но так, как-то без задора, словно сизый алкоголик.

На слово "сизый" в мозгу Николая Дмитриевича вспыхнула убиенная курица-несушка из магазина: "Я положил их в морозилку? Кажется, да".

– Завёл любовницу, но не красавицу, а такую... широкую

тихую еврейку с бровями и усиками. И обильными родственниками. Эта любовница оскорбила чувства Афины сильнее всего. Не может творческий человек сношаться с такой дамочкой! Афина поняла, что Алябьев бездарность.

– Они развелись?

– Зачем? – резонно ответила Лида. – Зачем плодить пересуды? Живут тихонько... как две параллельные линии – не пересекаясь.

Николай Дмитриевич подумал, что история, конечно, казистая... в чём-то поучительная, но она не выдаётся за габариты типовой советской семьи слишком: "Муж бездарность... эка невидаль. Таких большинство в природе... как будто она гениальная актриса".

– Но Афина не такой человек, чтобы сдаться. Она была копытом в итальянском своём сапоге, рыла землю наманикюрными когтями.

Лидия говорила последовательно и чётко. Кока сообразил, что слышит эту историю не первым: "Или она частенько проговаривала её для себя самой... в подушку".

– Афине повезло, настоящий гений нашелся поблизости. Степан Полубесок.

– Стёпка?

Лидия посмотрела на дядю серьёзно:

– А ты знаешь, как его называют художественные критики? Шагал Нашего Города!

– Шагал...

– А Стёпа обижается, кичливо ворчит, что Шагал – мазила. Втайне считает себя Врубелем.

– Он хорош, – проговорил Николай Дмитриевич. – Я видел, как он пишет.

– Правда? – изумилась Лида. – Обычно он никого не допускает в мастерскую, когда работает.

– Видел! – подтвердил Николай Дмитриевич. – Толковый художник. Но ты не ответила, была ли ты с ним. Он тебя изнасиловал?

– Господи! Нет!

– А как же?

– Дядя, это сложно понять...

– А ты объясни!

В просвете между соседними домами (просвет смотрел точнёхонько на восток) забелел горизонт.

Впрочем, не забелел, конечно, лишь только слегка подсветился... из "темноты беспросветной" переместился в категорию "нелепая надежда".

Но ведь надежда и обязана быть нелепой!

Глупой, босоногой, в ситцевом сарафане!

Невозможно представить надежду в лимузине. В наряде от Валентино. На подиуме или в составе приёмной комиссии.

Надежду Создатель посылает туда, где не остаётся сознательных шансов.

Николай Дмитриевич взгляделся в кисельную полоску, подумал, что шанс отыскать Аркадия есть... клубок кажется тугим и спутанным, но кое-какие "кончики" показались.

– В тот день Стёпа поругался с Мариной. Она его предала. Он писал её акварелью и маслом. Влюбился во время работы, притом, так... неистово. Это видели все, любовь сквозила из него, словно свет из иконы. А она хотела поехать в Ялту. Одна. В смысле, у Степана была начата работа, и он не мог её бросить, а Марине хотелось к морю.

– Чушь какая-то. Как можно сравнивать? То картина, а то человек.

– Не чушь, дядя! Ты прочувствуй! Он же любил её! Он ради неё даже выезд к реке организовал, мясо купил и вино... с музыкой договорился... в ледяную воду полез. Но живопись – это святое!

– А ты здесь при чём?

Лида терпеливо продолжала:

– Когда Марина ускакала, Стёпа сник... будто она его зарезала, выпустила кровь. И он тихо напился с Аркашей и... как тебе сказать... я подумала, они мирно уснут, но вдруг в нём проснулись бесы. Степан прыгал по песку, нырял, рычал, хватал угли костра голыми руками. Потом ворвался в палатку и попытался взять меня.

– А ты?

– А мне ничего не пришлось делать. Он не смог... был

слишком пьян. Потом заплакал.

Николай Дмитриевич сел на диване, спустил ноги в тапочки. Посидел минуту, прислушиваясь к стуку сердца. Подумал: "Сколько любви! Сколько глупости! Какие мы дураки! Мы сами устраиваем себе неприятности!" Потом пошлёпал на кухню, включил чайник.

Ночь можно было считать избывшей себя.

– И всё же я не понимаю! Молви простыми русскими словами, что между вами произошло? Почему все считают, что Полубесок был с тобой?

– Я так сказала.

– Ты?! Зачем?!

– Чтобы спасти его. От него же самого. Он метался. Он был душевно болен. Если бы я проговорила и сказала бы правду, это разрушило бы его, как личность. Ты понимаешь? Да? Нет? Мужчина должен прятать своё сильное стальное жало в женское... в мягкое и мудрое, как в воду. Понимаешь? И я позволила ему спрятать свою боль во мне.

Николай Дмитриевич засыпал в кружку чаю. Пока возился с кипятком, прикидывал так и эдак. Надумавшись вволю, проговорил:

– Ты или дура полная, – сурово, – или святая. Я не знаю. Не мне решать.

Утром позвонили с автобазы. Николай Дмитриевич долго

"лаялся по обстоятельствам злодейства людского и запустения гнусного" – его определение. Затем "решал вопросы по динамическому исправлению Вселенной" с заместителем. В половине одиннадцатого оторвался от телефонного аппарата, распрямился во весь рост, закинул руки к потолку и сладостно потянулся, напоминая мартовского кота перед гулянкой.

"Выпустил пар! – почувствовал облегчение. – Будто у колдца воды напился".

А ещё подумал, что Новый год – такой волнующий, обещающий и цветастый – касается уже боком, щекочет варежками:

"Сказка рядом, господа-товарищи! Надо бы девчонкам купить чего-нибудь эдакого... сверхъестественного".

Кока наплодил на свет божий четырёх ребятишек женского пола (видимо, в назидание за свободомыслие).

...хотя любил всех четверых девчонок безмерно, и был счастлив, как суслик.

Первым делом, Николай Дмитриевич отправился в больницу. Там ему дали адрес – устаревшая и медлительная, словно черепаха, медсестра записала на клочке бумаги название улицы и номер строения. В мозгу стрельнула мыслишка, что над ним потешаются, однако, призадумавшись, Николай Дмитриевич понял, что очень даже может быть:

"В схему вписывается. Как говорил Карл Маркс, из пред-

посылки вытекают следствия... и с датами сходится. И с тишиной... небось, ОТТУДА и позвонить-то невозможно".

Кроме сходства чисел и дат, ещё один жизненный принцип толкал к действию: "Всякий вариант надо проверить. Ни один намёк не должен оставаться без внимания. Иначе придётся возвращаться, а это унижительно".

Указанный адрес оказался далеко на периферии, почти за городом. Николай Дмитриевич вылез из рейсового автобуса, огляделся. Пейзаж окружал понятный, родной: двухэтажные дома на печном отоплении, школа электрического оттенка, частные домовладения... в пору было припоминать картины Кустодиева – ярко-зимние и необдуманно-радостные, – однако иные настроения занимали голову Николая Дмитриевича. Он значительно волновался и даже слегка нервничал перед грядущей встречей.

Вот эта улица, вот этот дом.

Лицом к проезжей части стоял флигель – неширокое строение в полтора этажа, украшенное колонами и лепниной. Через флигель, должно полагать, поступали пациенты, как через шлюз.

Николай Дмитриевич поднял голову, увидел под козырьком царский герб. Орла полагалось удалить (в своё время), однако заведение пользовалось такой гнусной славой, что идейные пролетарии побрезговали к нему приближаться. А врачам "двуглавая курица" не мешала.

Двор меж флигелем и основным корпусом (он виднелся недалече, метрах в двухстах) заключался двумя квадратными скобками забора справа и слева. Забор этот был глухой деревянный... давно некрашенный, облезлый, со следами остроумия подрастающего поколения. Из вершин досок торчали пики-гвозди... что, в сущности, вписывалось в представление о доме умалишенных.

Николай Дмитриевич подошел к дверям флигеля, постучал. Отметил, что белая краска значительно истёрлась, а скоба-рукоять затаскана до невозможности.

"Запустение" – сама собой сформировалась мысль.

На стук никто не отозвался.

Николай Дмитриевич загремел сильнее... прислушался – нет ответа... тогда он постучал ещё сильнее, стараясь ударами и шлепками произвести наибольший грохот. Проку от этого добился чуть, однако вибрации позволили заметить уязвимость – изнутри массивную дверь запирали всего-навсего откидной крючок, вещица примитивная и ненадёжная.

Перочинным ножом – озираясь и побаиваясь – Николай Дмитриевич откинул крючок. Проник в помещение, чувствуя себя взломщиком и нахалом.

Флигель оказался пуст, однако следы жизнедеятельности присутствовали явственно: справа от прохода, у вахтовой стойкой стоял письменный стол, на нём лежал журнал регистрации. В изломе журнала присутствовало перо с перепачканным чернилами носиком, саму чернильницу (бронзовую

литу) Николай Дмитриевич увидел на металлическом ящике-сейфе в углу комнаты – чья-то заботливая рука прикрыла крышечку, чтобы чернила не высохали.

Николай Дмитриевич запер за собой дверь (на крючок) и громко кашлянул, призывая местную "нечистую силу" выйти на контакт.

Никто не появился.

"Что ж, – решил незванный гость, – буду действовать по обстоятельствам. Как научили в кино: вижу цель, не замечаю препятствий".

По расчищенной от снега тропинке Николай Дмитриевич добрался до развилки, здесь он заколебался, следует ли ему взять правее? или повернуть налево? С левой стороны, из-за деревьев доносились голоса, и это решило дело – гость повернул туда.

За деревьями открылось местечко более всего напоминающее игровую площадку в детском, допустим, саду. Или спортивную площадку возле школы. Или отделение для забав пенсионеров в городском парке.

"Населяли" игровое пространство взрослые неспортивные люди. Николай Дмитриевич выделил что все "прогулочные личности" тепло одеты... однако экипированы бестолково и небрежно.

Гуляли больные в основном по одиночке, лишь только один мужчина в неожиданном английском кепи с ушками, ухватив собеседника за пуговицу, увлечённо о чём-то по-

вествовал. Свободной от пуговицы рукой он жестикулировал, раскраснелся и глаза его блестели.

Обособленно от всех держался доктор, видимо, его задачей было присматривать за пациентами.

Доктор завернулся в просторный тулуп, на голове его лежала лохматая собачья шапка. Вероятно, чтобы компенсировать избыток тепла, зимних брюк эскулап не надел... равно, как и сапог – был в шерстяных носках и в тапочках.

В руках доктор держал журнал. Курил. Время от времени вынимал папиросину изо рта, и прожигал в странице дырочку – аккуратную, и следом ещё одну – в пару первой.

– Желаю здравствовать, – нейтральным тоном проговорил Николай Дмитриевич.

– Салам, как говорится, алейкум, – ответил доктор.

Николай Дмитриевич рассмотрел, что журнал называется "Работница", а папиросой врач прожигает девушкам глаза.

"Что ж... подумалось... каково место, таковы и нравы... В каждой избушке свои погремушки..."

Спросил:

– А ты что же? за главного здесь?

– Вроде того, – согласился доктор.

Помолчали. Николай Дмитриевич не форсировал событий, давая время привыкнуть к своему присутствию.

Спросил:

– А это всё психи? – кивнул в сторону площадки.

– Больные, – поправил доктор.

– По виду, будто нормальные... только поизносились... такими оборванными с вахты обычно возвращаются... с крайнего севера. – Николай Дмитриевич тихонько заблеял, намекая, что проговорил шутку.

– Не сомневайся – сумасшедшие! – твёрдо уверил доктор. – Поконченные! Гулять на воздуха выводят небуйных, а в остальном – полный провал. Катастрофа. Даже словом перекинуться не с кем.

– Ну, как же? А вон, Шерлок Холмс, как бойко лопочет. Судя по всему, уже минут пятнадцать рта не закрывает.

– Ты про Вяземского? Того, что в кепи? Он с самого утра рта не закрывает. Как проснётся, так и начинает торговать.

– Торговать?

– А то! – док оживился. – Он в столовой горкома партии служил. Барменом, не хухры-мухры. Место диетическое, я тебе доложу, сытое. Продукты центровые... ну там, я не знаю... маргарин без ограничений, вафли шоколадные... куры голландские... коньяк французский, бренди и чинзано из Италии.

– Спился, что ли?

– Наоборот.

– Как это? – изумился Николай Дмитриевич.

– Бармен, я ж тебе толкую! – доктор затянулся настолько глубоко, что огонёк папиросы забелел и отвалился на снег. – Недоливал, понятное дело.

– А-а-а!

– Два! – огрызнулся док. – Недоливал систематически. Его предупреждали неоднократно. На профком вызывали, прорабатывали морально. Заметь, кульбит фортуны, с одной стороны давали грамоты за снижение потерь и перевыполнение плана, с другой ОБХСС над ним занесла дамоклов меч правосудия. Знаешь, что это такое?

– В общих чертах, – Николай Дмитриевич провёл рукой по шее, не контролируя жеста – автобазе тоже грозила проверка.

– В общем, сгорел на работе, как, бть, Данко. Обыск показал у него пять тысяч в валюте и двадцать два ящика шампанского "Вдова Клико". Следователь спрашивает, нахера тебе столько? Ты ж, придурок, три класса образования имеешь, пэтэушник сраный! Тебе, что малина, что говно! Ты на вкус бражку от брюта не отличишь! И знаешь, что он ответил?

– Нет.

– Для любимой женщины, говорит, хотел ванну из шампанского устроить. Как для Мерлин Монро. Ну не идиот ли?

– Идиот. А что теперь?

– Теперь с катушек спрыгнул. Кусок жизни про следствие и суд стёрся из его сознания, как бть отрезало. Теперь у него память... секунд на сорок-сорок пять. Как утром просыпается, так и шурупит, будто он за стойкой бара. Начинает торговать. Предлагает закуски, напитки... рассказывает, что сёмга сегодня с душком. Чужих за своих признаёт. Что характер-

но, жену забыл напрочь. А она его бросила через месяц. Говорит, мой любимый погиб во время следственного эксперимента, а эта падла меня даже не считает за близкую. Оформила через нотариуса бумаги, продала совместную квартиру и свинтила в другой конец страны, сучка крашенная... от большой любви. Если хочешь, пойди постой рядом, послушай, как он лопочет. Меня это первое время забавляло. Он без агрессии. За десять минут, примет тебя за десять разных личностей. То ты его друг, то доктор... за Брежнева может принять. Елозит по кругу от рассвета до заката, как испорченная пластинка.

– Нет, не пойду.

– Чего? Неприятно? Брезгуешь?

– Я по другому вопросу. Ты послушай... – Николай Дмитриевич сложил правую руку щепотью, пошевелил пальцами, стараясь придать жесту смысл и важность: "Соль земли!" – это значение хотелось ему обозначить.

Рассказал, что несколько дней назад, "к вам сюда, в дурку" привезли человека:

– Это мой племянник, по жене. В смысле, его жена – моя племянница. А он её муж, ухватываешь?

С удивлением почувствовал, что изъясняется косноязычно и двусмысленно. Что его сбивчивая речь запросто может стать поводом для диагноза. Тогда Николай Дмитриевич сбавил обороты, и постарался говорить взвешено, обдумывая формулировки.

– Аркадий Лакомов его фамилия. Его привезли сюда из клинической больницы, там не захотели возиться. Но речь не об этом!

– Ну?

– Понимаешь, мне нужно его увидеть, и опознать. Сказать жене... в смысле, Лидухе, что Аркашка здесь у вас, что он жив и здоров... в смысле, что вы его потом подлечите, и вернёте в строй... здоровому обществу. Всё, как полагается.

– Так и что?

– По документам его найти невозможно, его зарегистрировали, как бездомного. – Николай Дмитриевич сжалил голос, до интонации околицерковного просильца: – Давай мы с тобой пройдем по палатам, а? Я посмотрю и опознаю его, а? Он это или не он?

Ожидалось, что доктор намекнёт на трудности и жизненные печали... в ответ Николай Дмитриевич вынет из кармана красненькую и пошуршит... доктор вздохнёт обречённо, примет купюру и дело будет решено. Меж тем, завёрнутый в тулуп эскулап, решительно возразил:

– Даже не думай! Ты что, с ума сошел?

– Но почему?!

– Да меня попрут отсюда поганой метлой и больше не примут! А мне это надо?! В смысле, мне это регулярно надо!

– Попрут... не возьмут... чего ты городишь? Попрут из-за того, что я по палатам пройду?! Ты доктор здесь или пороссячий хвостик?!

Спорили рьяно. Разговор взвился, незаметно перескочив на повышенные обороты, Николай Дмитриевич жестикулировал, говорил громко, чувствовал ненависть, которая обычно накрывает его перед добротной дракой.

– Дубина! – вопил доктор. – Ты меня за доктора принял?

– А кто ты тут? Потолки белишь?

– Пациент я! Меня по блату принимают!

– В дурку?! По блату?!

– Из запоя меня вывели! Откапали, понимаешь? Алкоголик я, осознай! Запойный!

– А доктор где?

– Доктор будет после третьего! Сейчас у него отгул, – запойный проговорил с акцентом на первое "о" – Отгул. – А потом до третьего января официальный выходной!

Ситуация неприятным образом усугублялась. Николай Дмитриевич спросил, кто теперь за главного? Запойный доктор ответил, что сейчас все вопросы решает фельдшер, Данила Яковлевич Сухобродский, но его нет на месте, он поехал за ёлкой.

– Куда? – опешил Николай Дмитриевич.

– В леспромхоз, понятное дело! Не в дом же престарелых! Там его брат работает, обещал ёлочку устроить дарма!

– В доме престарелых?

– В леспромхозе!

– А ты чего?

– Ну ты, критиникус обыкновенус! Я тебе уже объяснил,

что я здесь на птичьих правах! Тяжелое наследие царского режима! Помогаю по хозяйству по мере возможностей! Больных утром покормил, категорию "примус спокойникус" вывел на прогулку – всё! С меня взятки гладки, а ты жди фельдшера, лишенец!

– Не обзывайся! – пригрозил Николай Дмитриевич.

– А ты не ори! У Лобзиковой может каталептический приступ случиться! Кто её потом будет откачивать? Пушкин будет? Или ты? – запойный показал на девушку в полосатом ватнике. Вместо цветка к лацкану ватника была приколотая яркая ленточка... искусно завязанная бантом.

Кабы Николаю Дмитриевичу сказали, что всё вокруг это розыгрыш, новогодняя шутка, он бы охотно поверил и рассмеялся. Но взгляд опустился на ноги врача-алкоголика... на ногах были больничные выдавшие виды тапочки... и шерстяные гольфы зияли дырами.

Как водится, действительность оказалась проще и жёстче выдумки.

– Пойми, – сбавил тон Николай Дмитриевич, ибо надежда договориться ещё сохранялась. – Я не могу ждать до вечера. Я не могу ждать до января. Я не могу ждать вообще. Мне надо увидеть, здесь ли Аркаша или его нет... в том смысле, это он здесь или не он?

– Сбивчивые даёте показания, дядя! – ухмыльнулся доктор. – Что если тебя посадить на галоперидол? Курс проколлот, будешь, как новенький!

Договориться миром не получалось.

Доктор был моложе, и, очевидно, подвижнее. Кроме того, "он тут отдохнул, мерзавец, – хмурился Николай Дмитриевич, – на казённых харчах... под капельницами-витаминами!"

Николай Дмитриевич злился. Сейчас злость работала в плюс. Вдохновляла.

Чуть отступив, он вскинул левую руку... далеко отставляя её от себя, но как бы имитируя жест обращения к часам. Доктор клюнул, повернул голову в сторону приманки...

Кока саданул с правой. Со всей силы, надеясь попасть в челюсть. Удар получился неточным и смазанным. И только собачья шапка ускакала по снегу.

– Ах ты, сволочь! – взвизгнул док, хватаясь за лицо. – Ну я тебя сейчас уделаю!

Из рукава мгновенно появилась дубинка – длинная, каучуковая, хватистая.

"Подарочек! – обомлел Николай Дмитриевич, предвкушая во рту вкус железа. – Вот чем они тут чокнутых охаживают! Надо было сообразить!"

Кока махнул левой, правой и снова левой. Ни разу не ударил соперника – тот отскочил назад, создавая дистанцию, пританцовывал.

Между тем, суть вопроса залегала не в драке – нет. И даже не желание поставить на место зарвавшегося лже-врача руководило Кокою. Цели не изменились: нужно было уста-

новить, попал ли в психушку Аркадий Лакомов? или здесь заточён другой какой-то несчастливец?

Исходя из поставленных задач, Николай Дмитриевич решил не отвлекаться на мордобой сверх необходимого, а прорывать к больничному корпусу.

Док приплясывал, размахивал дубинкой. Надо признать, оружие добавляло тактической мощи – дважды он достал Коку по плечам, один раз досконально съездил по скуле. На счастье, тулуп сковывал движения, а тапочки ограничивали подвижность.

Тогда Кока решил провести форхэнд: не обращая внимания на град весьма болезненных ударов, он бросился вперёд, прикрываясь руками, и, "въехав" всей массой тела, сбил доктора с ног. Док рухнул на спину, охнул, выплеснул порцию проклятий. Заёрзал ногами, пытаясь отползти и перевернуться на живот. Он напоминал перевёрнутую черепаху.

Не теряя мгновений и не дожидаясь, покуда доктор поднимется, Кока бросился по дорожке к больничному корпусу.

"Там палаты... – размышлял на бегу. – Скорее всего, они заперты... но окошки должны быть... я смогу опознать Аркашку... это без сомнений, но прежде нужно обезопасить себя!"

Прежде следовало нейтрализовать доктора. Он преследовал.

...Кока ворвался в корпус, умышленно грохнув дверью –

"Чуть задержит!"

Метнулся вдоль коридора, отыскивая пожарный выход, чёрную лестницу, кастилянскую незапертую комнату или нечто подобное – место для засады.

Из подходящего обнаружил только округлый зал с обилием зарешёченных окон – здесь стоял телевизор, висел плакат "Мойте руки тщательно! Как перед едой, так и после принятия пищи!", в деревянных кадках из-под рыбы гнездились нездоровые худые пальмы.

Кока заскочил за угол и прижался спиной к стене. Замер, ожидая, что док не заметит его манёвра и пробежит мимо... и это было бы хорошо.

Или пойдёт по коридору медленно... опрометчиво подставив под удар ухо – и такой вариант тоже хорош.

Или побежит по коридору в противоположную сторону – "Тоже приемлемо, мне бы только подобрать себе в руку палку... например, черенок от швабры... чтобы уравновесить шансы".

Существовала угроза, что лже-доктор позвонит в милицию, но в такое верилось слабо... слабо верилось, что милиция откликнется на призыв из умалишенного дома... в канун Нового года.

...Мимо пролетела зелёная сытая муха. Стало тихо... неестественно тихо, как будто все звуки выключили. Кока почувствовал, как из-под шапки ползёт капля пота – от бе-

готни его бросило в жар... а ещё это значило, что он провёл в засаде уже несколько минут... и что-то пошло не так.

Пошло не так.

Кока выглянул в коридор и в тоже мгновение ослеп – удар дубинки пришелся ему точнёхонько над переносицей.

Николай Дмитриевич не учёл, что в тапочках можно было подобраться совершенно беззвучно.

"Ах, ты господи боже мой! Ангелы небесные! – Кока за-вертел руками не понимая, защищается ли он от ударов дубинки, ли разгоняет стаю огненных ласточек, что шныряла молниеносно во всех сторонах и по всем направлениям. – Теперь держись, сукин сын! Теперь ты меня разозлил! Урою!"

Первое устойчивое воспоминание... Николаю Дмитриевичу было лет пять или шесть... может четыре (уточнять не хотелось, хотя по метрикам была такая возможность). В ту пору его устойчиво звали Кокой, он был первым ребёнком в семье; и вместе с родителями поехал в соседнюю деревню на свадьбу.

От свадьбы остались лишь самые общие впечатления: толкотня, суета и раскрасневшееся лицо незнакомой приторной женщины – она сюсюкала, хотела казаться милой и совала Коке в рот нечто съедобное. Кока вертел головой и сопротивлялся – от женщины неприятно пахло потом. Не то что-

бы этот запах удивлял или казался новым – в деревне он встречается ежедневно и повсеместно. Более того, подросши и сформировавшись в мужчину, Кока понял, что нет аромата волнительнее, чем запах молодой разгорячённой девушки. Но тогда, в детстве... тогда Коке казалось, что, если он позволит леденцу вонзиться в рот, случится нечто непоправимое.

"Какой отвратительный ребёнок!" – проговорила, утомившись своей любезностью, женщина. Отец ответил скупой: "Оставь его, кума!"

Но не об этом вспоминал Николай Дмитриевич.

Когда они возвращались домой и ехали вдоль реки, мать вдруг выгнулась всем телом, низко закричала и схватилась за живот. Мамаша была беременна, была на сносях.

Подол платья моментально сделался мокрым, и мать ещё раз завывала, и Кока, перепугавшись, поддержал её вопль своим детским дискантом.

Мать рожала, её требовалось срочно отвезти в больницу. До больницы было недалече, вёрст что-то около шести, может семи. Однако в бричку...

Бричкой отец называл коротенькую телегу, заказанную кузнецу специально под Орлика. Орлика давно следовало отправить на живодёрню, он устарел и не умел более работать в поле... и вообще не мог работать. Мог только жевать травку и радоваться незаслуженному овсу... мог "целоваться" ласковыми губами с малышом Кокой... мог возить бричку – на

большее сил не хватало.

...в бричку, как на грех, отец запряг Орлика.

Кока прекрасно помнил, как отец вскочил на ноги, левой рукой прибрал вожжи, как занёс кнут, но... Орлик не выдержал бы гонки, отец понимал это явственно, и не ударил, только прикрикнул. Будто поняв важность происходящего, коняга прибавил ходу... понёсся во весь опор (наверное, так ему казалось).

Отец хлестал себя по голенищу, и, не замечая боли, просил: "Давай, родной! Прибавь! Скорее! Прошу тебя, скорее!"

Сейчас, пересекая городское пространство и впрыгивая в перекладной "номер" автобуса, Николай Дмитриевич шептал себе: "Прибавь, миленький! Скорее! Прошу тебя, скорее!"

По здравому размышлению, следовало взять такси, и Николай Дмитриевич проделал шаг в этом направлении, однако первый же притормозивший "мотор" дал газу, лишь только рассмотрел физиономию потенциального пассажира.

"Надо заскочить в универмаг, – сообразил Кока. – Иначе народ шарахается".

Универмаг не отнял много времени, однако тоже отметился стычкой.

Втянув голову в воротник, Николай Дмитриевич прошел в галантерейный отдел, наткнулся там на сонную продавщицу. Продавщица несла на лице большой крючковатый нос (за-

помнилось) и грустные глаза. Неприятностей ничто не предвещало, иначе, лишь только завидев Николая Дмитриевича, мадам прыснула ядом:

– С женой подрался?

– С парикмахершей, – парировал Кока. Он не привык оставаться внакладе. – Задавала лишние вопросы. Пришлось приварить разок.

Не меняя интонации, продавщица высказала мнение, что приварили именно, что Коке:

– Судя по твоей многострадальной физиономии. Теперь на таком лице можно только сидеть.

Проигрывать пикировку не хотелось, Николай Дмитриевич сдвинул голос до змеиного и пригрозил кляузой. На что продавщица ответила, что жизнь её кончена. Ещё месяц назад она заведовала этим универмагом, а теперь её понизили:

– Мне наплевать. Пиши, что хочешь. Хоть анекдот про армян. – Помолчала. – А мне, между прочим, всего два года оставалось до пенсии.

Кока смутился на такую откровенность, залепетал извинения.

Она перебила, напрямик спросила, чего ему надобно:

– Тёмные очки?

– Да... а как ты догадалась?

– Немудрено, – она ещё раз вздохнула. – Так я выписываю?

– Валяй! Выписывай на полную. Импортные! Гуляем во

всю ширину автопарка!

– Чтоб ты был здоров, генацвале! – добавила она и подмигнула, словно соучастнику растраты.

"Прибавь, миленький! Прибавь!"

Здесь требуется оговориться, отметить, что не борьба за жизнь племянника прищпоривала Николая Дмитриевича, но жажда справедливости – извечный русский миф:

"Бабка, помню, рассказывала... гутарила, что когда барина в Преисподнюю опустят (а опустят его непременно! за скудость ума, за грехи его тяжкие, за злобу, за обжорство), то все крепостные пойдут вслед за ним добровольно.

Зачем? – спрашивают.

Чтоб и там служить! Чтоб дровишки ему под котёл подбрасывать!"

"Следует наказать мерзавцев!" – внутри Николая Дмитриевича всё кипело. Ему некогда было поразмыслить вдумчиво... вникнуть... вспомнить, что судить следует с любовью, а не с ненавистью – так в Евангелиях заповедовано.

Знакомый дом. Третий этаж. Оконце в сизой копоти, меж рам – высохшие пыльные мухи. Вырванный звонок. Николай Дмитриевич постучал кулаком, как стучатся в гаражные ворота.

Дверь распахнулась почти мгновенно. Полубесок впу-

стиль гостя, громыхнул замком. Сказал, что гуляет по студии (очертил пальцем круг), а потому отпер сразу:

– Курсировал мимо двери, – сказал. – Шагаю от стены к стене, словно каторжный. – Заглянул гостю в физиономию, осведомился: – Ты или тебя?

– Бывало всякого, – нейтрально отозвался Кока.

К своему удивлению, в это мгновение Николай Дмитриевич почувствовал груз – пятипудовый мешок зерна, который он добровольно взвалил на плечи, и носил всё это время.

Меж тем, не в грузе было дело. Не в тяжести. И не в ответственности. Так получалось, токмо что в студии Полубеска – малознакомого дикого мужика – можно было не кривляться... не прятать лица за маской... не казаться лучше, чем ты есть.

В студии почти ничего не изменилось... и в то же время, изменилось многое.

Во-первых, с картины исчез мужик с бидоном. Исчез начисто, будто его и не было. Мужик исчез, а вместо него появилась "недостача" – ощущение пустоты. Дыра.

Во-вторых, рядом с "обеденным столиком" обосновалась пятилитровая полупустая канистра какого-то таинственно-очевидного напитка.

Полубесок сказал, что это чача. Что он ухаживал в юности за осетинской девицей, дочерью местного графа, писал портрет её отца:

– Старик проникся ко мне, вообрази. С той поры каждую

зиму присылает чачу. Хочешь?

Николай Дмитриевич отрёкся, сказал, что не хочет, но выпьет с удовольствием:

– Плечи болят, и физиономия.

– Что произошло?

– В дурдоме подрался.

– Это правильно.

Полубесок принёс вторую посудину – оловянную ёмкость с барельефом Моцарта на фасаде. Художник не признавал полумер, а потому наполнил стаканы под риск.

– А ты чего? – спросил Николай Дмитриевич, интересуясь по какому поводу праздник. – Чего загудел?

– Душа загремела. Бывает у тебя такое? Нет?.. Счастливчик! Висит-висит душа на своих ржавых цепях... в самом центре мироздания-тела, томится... томится аж до ломоты в костях. – Полубесок сжал кулаки. – Потом подует свежий хмельной ветер, и... загремят цепи... жизнь покажется ясной и простой, словно бутылочное стёклышко.

– А мужик куда девался?

– Исчез. Людям это свойственно. Картина называется "Пустота". Отвечает названию, как полагаешь?

– Ещё как! Ты талантливый художник!

Полубесок достал из форточки бруснику. Неизменно морозную, дерзкую, кислую.

– Знаешь, а ведь я всю жизнь хотел стать фотографом. Фотограф работает с правдой... из правды куёт красоту. А я

работаю иллюзионистом, имитирую жизнь посредством собственных фантазий. Трачу нервы и чувства, чтобы картины походили на правду. Лишь только приближались.

– Ну и чего? Сейчас с этим просто. Купи фотоаппарат и щёлкай.

– С другой стороны, фотограф – он всегда раб, он обслуживающий персонал. А я хозяин своим чувствам. Я не люблю обслугу... официанты мне омерзительны... служить бы рад, прислуживаться тошно.

Полубесок налил ещё: себе и гостю. Выпил. Выпил совершенно безэмоционально, просто вылил огненную воду внутрь себя. Тут только Николай Дмитриевич заметил, что художник уже здорово пьян – в глубине его глаз плещется темнота... чувства растворились в ней, словно краски, утраченные оттенки в банке скипидара.

Полубесок спросил, что с Аркашкой:

– Нашелся?

– В общих чертах.

– А я знал... ты умный мужик. Крепко стоишь на земле.

Привык добиваться.

Душа Полубеска и правда металась, "гремела цепями". Николаю Дмитриевичу хотелось поделиться достижениями, до страсти хотелось! Хотелось в деталях расписать, как происходило и происходит следствие... с другой стороны, он боялся ненароком обидеть художника. Выдал сухо, одними фактами:

В ночь, когда Аркадий Лакомов не пришел домой, один лишь только человек попал в больницу с насильственной травмой черепа – какой-то бездомный. Маргинал, как обозначил его лейтенант милиции. Естественно, никто не подумал, что это мог быть Лакомов.

Позже выяснилось, что в тот же день Аркадий играл в спектакле. Гримировался под водяного... или домового... или лешего —

– Точнее роль обозначить не могу, – оправдался Николай Дмитриевич, – сам не понял. Трудно с театрами.

– Алябьев растрепал? – спросил Полубесок.

– Да... а что?

– Забавный он человек. Челове...чек. Помнишь, как говорил Луначарский? Меня несут по белу свету высокие идеи, а тебя твои кривые ножки. – Полубесок икнул, шустро перекрестил рот. – Алябьев всегда смотрит под ноги и передвигается вдоль стены... не замечал?

– Нет, – Николай Дмитриевич повёл головой. – Не имел удовольствия рассмотреть эту привычку.

– Я ему даже завидую. Он всегда довольствуется малым. Не сумел получить образования – устроился в театр. Когда попёрли из столицы, перевёлся к нам. Бортанула Афина – нашел разведённую еврейку с хозяйством и домиком.

– Чем плохо?

– Великолепно! Иногда я боюсь, что так и следует жить. Что в этом и заключена христианская добродетель... не ис-

кать в небе журавля... не искать в небе синицу... К слову, сегодня звонила Афина. Была на удивление открыта и прямолинейна, словно пуля. Предлагала уехать к чорту на кулички вдвоём... бросить всё и начать новую жизнь на новом месте. Любви до гроба не обещала, но верность и достаток гарантировала.

– Ого! – буркнул Кока. – Для неё это выше возможностей! В том смысле, это большие жертвы. Ты согласился?

Вместо ответа, Полубесок опять наполнил стаканчики, однако не выпил, но сунулся Николаю Дмитриевичу в самое лицо и заговорил... заговорил с жаром, глотая слова и помогая себе жестами:

– Кабы она год назад это предложила или два, я бы задумался... да чего там врать – задумался! Ха! – согласился бы безоговорочно, ведь она девка бедовая, каких поискать! Бесовка! Огонь! Но сейчас... сейчас... время моё ушло безвозвратно... ты думаешь это кто с картины исчез? Аркашка исчез? Плевать мне на Аркашку! Мелкий он человечиска! Это я исчез! Я! Знаешь, так бывает, что пришел на вокзал, а поезд твой уже тронулся и отходит – опоздал ты ненароком, ошибся часами. Ты заметишь, с изумлением, как колёса-то вертятся, и сам начинаешь бежать... инстинктивно, надеясь догнать, ведь всё в жизни достижимо, лишь только следует неистово захотеть! – Полубесок сделал руками движение, как будто выкручивал-ломал отстиранную простыню. – Швелишь ногами, поддаёшь... а поезд всё быстрее и быстрее...

"Но нет! – думаешь самонадеянно. – Шалишь, братец! Догоно!" – ибо силушка ещё в теле есть и резвость в ногах...

Он стих.

– И чего? – осторожно спросил Николай Дмитриевич.

– А того, что этого поезда не догнать. Никогда. Никому. А бежит... это я бегу. И мой последний шанс расположен именно, что в этом спурте. Не могу я отвлекаться на глупости, пойми. Бляди для меня теперь в прошлом. Мне бы успеть сделать что-то... – он тряхнул головой. – Мне бы успеть сделать хоть что-то! Все мои силы – туда, в эту топку! Каждый день я просыпаюсь и чувствую, что надо рвать жилы! Надо работать изо всех сил, иначе опоздаю. Неудачливые фотографы и художники обращаются в прах... ты знал об этом? Их пеплом посыпают пешеходные тропинки в парках.

Полубесок улыбнулся, однако глаза были влажны от слёз.

Николай Дмитриевич уверил, что автомеханики уходят в такие же "расщелины" небытия.

Сумрак заполнил студию, заполз, словно молочный кисель через окна. Габариты пространства сузились, сдвинули вселенную к столу. Стало уютно – настольная лампа очерчивала круг. Николай Дмитриевич тронул ненароком разбитую скулу, подумал, что ему потребуется серьёзное оправдание перед домашними.

Некоторое время неспешно говорили о музыке, об областной картинной галерее. Выговорившись, Полубесок размяк,

сделался сентиментальным и начал выбалтывать чепуху о происхождении чачи, об осетинском князе и его дочери... притом, врал так уверенно и складно, что Кока ему верил...

Забавы ради, Николай Дмитриевич расставлял на столе брусничные ягоды в шахматном порядке. От алкоголя он как-бы приподнялся над столом и над собой... приключения последних дней казались выдумкой Жюля Верна...

Вдруг вспыхнула мысль – как ушат ледяной воды:

– Послушай! – восторженно. – А ты сказал Афине про билет? Про выигрыш?

– Про билет? – Полубесок поднял руку, медленно запустил пальцы в волосы. – Какой билет? Ах, да... ты всё про эту чепуховину! Нет, про билет не вспоминали. Кой чорт он тебе дался, этот билет?

Николай Дмитриевич погрозил художнику пальцем.

– А ведь она приняла твою шутку за чистую монету.

– Кто? Афина? Исключено.

– Истинно так! Говорю тебе! Думаешь, чего ради она позвонила? Откуда возникла уверенность?

Полубесок пожал плечами:

– Не имею представления. Разве бабу поймёшь?

– Эх, ты! Дурилка картонная! – Теперь уже Николай Дмитриевич наполнил оловянные стаканчики. – След мечтаешь оставить! Попасть в Третьяковскую галерею! А если хочешь знать, твои "восьмёрки" две жизни загубили. Дуплетом! Когда Аркашка про деньги узнал, ты думаешь, куда он

потёк? Домой потёк?

– А куда?

Николай Дмитриевич сложил пальцы фигою: – К Афине он побежал! К Афине! Посулил жизнь райскую и предложил руку вместе с сердцем и десятью тысячами. Она, естественно, согласилась. Во всяком случае, не отказывалась. Заметь кульбит Фортуны, кабы он ей билет сразу отдал, то ничего бы не произошло. Но Аркашка оставил его при себе.

– Ну, оставил. Ну, билет. Ты меня будто в чём-то обвиняешь, – проговорил художник. – Я не святой, но не лепи из меня демона.

"Демона!" – слово вспыхнуло, будто лампочка гирлянды.

"Демона! – Николай Дмитриевич даже улыбнулся.

А кто в этой истории демон? Афина? Она борется за своё счастье. Нельзя женщину осуждать за такое стремление, это против биологических правил! Вялый её муж Алябьев? Его роль ещё предстоит разъяснить до деталей... однако, разрази меня гром, он не тянет на функцию "вселенского зла".

Тогда кто?

Сам Аркадий?

Его жена Лидия?

– Допустим! – проговорил Николай Дмитриевич. – Допустим, ты прав! – и вскинул ладони, будто отчаявшийся немец под Сталинградом. – Не станем никого судить... и даже упрекать мы не имеем права. Мне всего лишь хочется разобраться.

Николай Дмитриевич попросил написать Афине записку:

– Пойми! Это надо!

– Зачем записку? – резонно возразил Полубесок. – Я могу позвонить. Не в деревне живём, наивный... телефония на проводе.

"А ведь правда! можно позвонить!"

Расследование приближалось к своему апогею. Николай Дмитриевич вскочил, обогнул два раза стол. Вариант с запиской казался ему выгоднее – текст можно было обдумать, исправить, отточить. Переписать с черновика набело, словно школьное сочинение.

С другой стороны, возникали тактические хлопоты, как записку доставить? Неизбежно формировались вопросы, почему записка? Почему не приехал лично? Не позвонил?

– А ты сумеешь? – усомнился Кока. Чача взвинтила ему нервы, натянула их до самых немыслимых пределов.

Теперь он казался себе режиссёром пьесы... пьесы забавной, местами глупой – её написал начинающий автор, – и которая держится на одном лишь только монологе:

"Быть или не быть?" – не меньше.

– Сумеешь вытянуть драматургию? Одно неверное слово, и Афина догадается!

– Согласен, она баба цепкая. Придётся постараться.

– Звони! – выкрикнул Кока, решившись. – Но только звени! Звени своим звонком! Ошеломи её доверием! Сомни и

смети лживыми чувствами! Ты художник, наконец, или фотограф?

– Был художником... но под твоими воплями сомневаюсь.

– Прочь сомнения! Сотри её с лица земли своей правдивой ложью! Распыли обманом, своих правдивых чувств!

Николая Дмитриевича несло, он опьянел до корней волос.

Полубесок поднял трубку телефонного аппарата, набрал номер... говорил не форсируя, но выказывая интерес, будто грамотный покупатель, что обходит весь рынок дозором, прежде чем что-то купить:

– Я согласен, Афина... Верую... Давай попробуем вместе... любви до гроба не обещаю, но обещаю уважать твои чувства... Да, конечно. Всё, что я имею – твоё, включая талант. А ты?... отлично, тогда я принимаю твои условия... Когда? Завтра?... в двенадцать сорок? А ты успеешь купить билеты?... Это неудобно, зачем, ты так утруждаешь себя?... Хорошо, не станем спорить, я буду без опозданий... – и повесил трубку, не прощаясь... но как бы оставаясь на связи.

Это был талантливый артист.

А может ли добротный художник быть посредственным артистом?

"Прибавь, миленький! Прибавь ходу!"

За ночь Николай Дмитриевич даже глаз не сомкнул. Вертелся, скрипел пружинами, ходил на кухню пить воду. Дол-

го стоял у окна, прислонившись горячечным лбом к прохладному стеклу. Поговаривал под нос фразы, стараясь подобрать сильные и убедительные. Утром предстояла встреча с лейтенантом милиции: представитель власти был необходим на финальной стадии, как воздух, иначе самому можно было попасть под статью о хулиганстве – Кока разумел положение вещей со всей очевидностью.

Времени оставалось впритык.

"Хорошо ещё, если лейтенант согласится... хорошо, если будет свободен... хорошо, если не опоздаем. Прибавь ходу, Орлик! Прибавь!"

К восьми утра Николай Дмитриевич прискакал в отделение милиции. Угодил в те заветные минуты, когда территорией властвует уборщица – женщина сбитая, деловитая, убеждённая в своей правоте. Мадам хотела прикрикнуть на гостя Ты-Мне-Тут-Наследишь, однако не решилась повышать голоса, когда рассмотрела его физиономию. Лицо Николая Дмитриевича, отдавая достоинство, производило на зрителей впечатление.

Лейтенанта искать не пришлось, он дежурил сегодня по графику. Только-только вернулся из санузла, в правой руке держал кружку с водой, левой раскручивал провод кипятильника.

– Вы должны мне помочь. Послушайте... послушайте, пожалуйста!

– Послушаем, – откликнулся милиционер, включил кипя-

тильник в сеть. – Поможем.

Николай Дмитриевич напомнил о пропаже племянника, о заявлении Лиды, наскоро пересказал итоги своих изысканий.

– Теперь мы должны взять её с поличным! – выдохнул.

– Не кипятитесь, гражданин. Всё сделаем, согласно букве закона. – Лейтенант зашелестел пакетом, в пакете у него лежали пряники. – Что у вас с лицом?

Медлительность раздражала, Кока съязвил:

– Лекцию читал. О вреде пьянства.

– Вот это правильно. Однако аудитория, судя по приметам, попалась несговорчивая.

– Так точно, пришлось перейти от слов к делу.

– И это верно. Слова ценнее дел. То есть, наоборот, дела ценнее многократно.

– Послушайте! – Николай Дмитриевич вскинул ладони. – В двенадцать сорок у них поезд. Она уедет, и поминай, как звали.

– Ордер оформить всё равно не успеем.

– Да какой там ордер! О чём ты говоришь? Ехать надо немедленно и брать! Лотерейный билет при ней, это я гарантирую!

– Билет-шмилет... – Лейтенант шумно и сочно потянул из кружки чаю, с видимым наслаждением. Не торопился он вовсе: ни мыслью, ни даже мизинцем. Милиционер привык жить среди людских неприятностей и боли, они не казались

чем-то необычным, не волновали... во всяком случае, не будоражили, как Николая Дмитриевича. – Билет улика вялая, говорю на основании опыта.

– Как же вялая?! Да ты пойми, он однозначно указывает, что Афина виновата! Собирайся и поехали! Возьмём её прямо на вокзале!

– Не торопись. Что если она нашла билет? Так и заявит нам с тобой в лицо, мол, знать ничего не знаю... вела беседу с Аркадием Лакомовым, а потом нашла бумажку на полу. Может такое быть? Может. Что ты на это возразишь, Пинкертон? Между нами, Афина Леонидовна заслуженная артистка, положительно характеризуется коллегами по сцене. Участвует в общественной жизни. Вымпел недавно получила... и квартальную премию, не исключено.

Касательно премии, лейтенант сочинял, – ясно, как божий день, – просто хотел показать Коке, что голыми руками Афины не взять. "Да уж, конечно, – думал Кока, желваки на его щеках перекатывались. – Что есть, то есть... характеристики писать мы умеем. Почитай, дак изумишься! каждый бездельник, что ангел небесный... не бесный... на небе не бывает бесов, поэтому – небесный".

Вольно или невольно, лейтенант попал в "больное" место Кокиной теории. Ночью, у окна, вглядываясь в сутолоку городских бесполезных огней, Николай Дмитриевич подумал, что городской кошке не нужно зорких глаз: "Здесь лапы у елей дрожат навесу... и ночью всё видно... хоть иголки со-

бирай".

Ещё подумалось, что без Алябьева дело не обошлось. Однозначно, Афина притянула его.

После премьеры была фуршетка – так заведено у актёров: они радостной толпой завалились в гримёрку прямо в костюмах и не умываясь... там была икра (меньшее Афина себе не позволяла) и шампанское. В бокал Аркашки она добавила димедрол – скорее всего... или нечто подобное. Парня повело.

"Алябьев должен был его убить. – Николай Дмитриевич вертел в уме всевозможные варианты, оставлять свидетеля в живых было глупо. – Афина сжигала за собою мосты. Приказала Алябьеву добыть билет любой ценой. Но муж ослушался. Ослушался сметливо, эдак... как и жил – наполовину. Убивать не стал, а саданул Аркашку по затылку, и оставил в подворотне".

– Допустим, – согласился лейтенант. – Допустим, ты прав. Но зачем Алябьев рассказал тебе про спектакль? Про участие Аркадия и про грим? Ведь он, фактически, вывел тебя на след.

– В том-то и дело... – Коке почудилось, что злость, а с нею и силы вытекают из него... словно воздух уходит из пробитой покрышки. – Подлость человеческая. Алябьев поступил, как гениально мудрая сволочь. Прошел вдоль стеночки, по привычке. Улик против него нет никаких. Димедрол добавлял не он. Как он Аркашку саданул никто не видел. Если всё

обойдётся миром, ну... хорошо. Он свободен от Афины. А если мы... в смысле, милиция, заберёт её – тот же положительный результат.

Лейтенант колебался. Николай Дмитриевич ощущал его сомнения кожей, а потому пустил в ход последний аргумент.

– Поехали! Тебе будет раскрытое дело. Очередное звание получишь вне срока. Плюс от себя гарантирую благодарность... коллективную, от имени автобазы. С грамотой и занесением в личное дело. Поехали!

Лейтенант встал, начал собираться. Отметил, что Полубесок ему не нравится:

– Он сомнителен. Будь с ним осторожен.

Накинул на плечи портупею (к великой радости Николая Дмитриевича). Кликнул какого-то Шмидта, сказал, что выезжает на задержание. Шмидт выпалил стандартное "Ни пуха, ни пера, ни пули, ни ножа!" и обещал содействие: "Я на связи. Звони, если что".

К вокзалу подъехали на милицейском "уазике". Было двенадцать с четвертью. Николай Дмитриевич ёрзал, словно уж на сковородке, лейтенант растолковал план задержания:

– Главным делом, не суетись. Действовать будем чётко. Подождём, пока поезд тронется, это нужно, чтобы она вошла в вагон. Беготня по перрону меня не устраивает. В вагоне возьмём её... без шума и пыли.

– А если она спрыгнет?

– Афина? Никогда. Если ты верно описал её психологию.

ческий портрет, она уедет. С любовником или без. Я контролирую машиниста, он тронется по моему сигналу. – Лейтенант вдруг сделался жёстким и несговорчивым. – Твоё дело подготовить Полубеска, чтобы он не выкинул фортель. Контролируй его. Когда поезд дёрнет и медленно поедет, вы должны показаться на платформе. Афина вас увидит, и...

– Понимаю. Мы с ней войдём в вагон.

– Именно. Дальше дело техники.

Однако Полубесок выкинул фортель. Притом такой, коего невозможно было предвидеть.

Всё же он был талантливым художником.

Пошел снежок.

Николай Дмитриевич подставил руку, удивился какие снежинки колючие и... серые.

Серое небо. Серый снег. Оглянулся вокруг: серые улицы, серые дома. Серые мысли спешащих сумеречных людей. И одно только алое пятно – инопланетные дурацкие гвоздики, по трояку за букет...

Но они появятся позже.

В голове состава, уперевшись рукою в тепловоз стоял лейтенант – Николай Дмитриевич видел его прекрасно. Видел, как милиционер, задрав голову, переговорил с машинистом, тот кивнул и шмыгнул вглубь своей машинерии.

Полубесок дотянул до последнего, явился по третьему звонку, как самый невежливый зритель, всего за пару минут до отправления. Кока едва узнал художника. На серую льняную рубаху он накинул коричневую болоньевую куртку, молнию не застегнул. На голове не было шапки, поверх чёрных кучерявых волос уже скопился снежок. Правую руку Полубесок держал в кармане куртки, карман оттопыривался, будто туда засунули апельсин.

В левой руке – дипломат. Чёрная прямоугольная коробочка с никелированными замочками и рукоятью.

"Зачем дипломат? – мелькнуло в мозгу Николая Дмитриевича. – Какой дипломат? Что за глупость?"

Вокзальные часы показали без двадцати – качнулась стрелка.

Николай Дмитриевич выступил из-за киоска, направился точно к цели, надеясь, что Полубесок подхватит его движение.

Так и получилось, Полубесок кивнул, давая понять, что видит Коку, и чуть подправил свой курс.

Восемь минут назад Афина ещё стояла у вагона (Кока подглядывал из-за киоска), пять минут назад поднялась по ступенькам. Время от времени она показывалась, шила глазами по сторонам, заметно нервничала.

Лейтенант дал машинисту сигнал – состав истерично дёрнулся и замер на бесконечное мгновение. Затем дёрнулся ещё раз и медленно задвигался – равнодушная стальная

змея.

Николай Дмитриевич побледнел и удивился, что не издох прямо здесь и прямо сейчас от разрыва сердца – оно затрепетало где-то в глотке, у корня языка.

Афина опять выглянула, увидела Полубеска, лицо её прояснилось. Она радостно взмахнула платком.

"Платок... зачем платок?"

Полубесок вдруг встрепенулся, всплеснул руками, словно курица-наседка. Прибавил шагу, поднял дипломат и на ходу (почти на бегу) начал открывать замочки, поскользнулся, едва не упал, комично отпрыгнул. Наконец, выдернул из дипломата букет гвоздик, и замахал ими над головой... наверное, так последний живой солдат из полка, поднимал истерзанный красный флаг...

Алое пятно распороло дневную серость.

Афина мгновенно всё поняла. Исчезла внутри вагона.

– Ну, ты и сволочь! – выкрикнул, пробегая, Николай Дмитриевич.

Полубесок остановился, достал из кармана "апельсин" – вязанную серую шапочку, натянул её на голову. Она смотрелась нелепо на гриве его волос. Художник напоминал теперь клоуна.

Меж тем, план лейтенанта работал.

Николай Дмитриевич сиганул по ступеням, оттеснил проводницу воплем: "Посторонись, милиция!"

Впереди в глубине вагона мелькал знакомый женский силуэт – Афина бежала к голове поезда.

"Инстинктивно, преступник всегда бежит вперёд", – про- рочил лейтенант.

Кока побежал вослед.

Поезд жил своею жизнью. Пассажиры устраивались по ме-стам. Радостные слышались разговоры, знакомства. Звенели детские голоса и хлопали двери.

В тамбуре меж вагонами Николай Дмитриевич подобрал спортивную сумку – Афина её бросила. Она уезжала налег-ке, взяв с собою минимум вещей, однако и этот минимум оказался теперь в тягость. Николай Дмитриевич подхватил сумку, закинул на плечо. У туалета следующего вагона он подобрал женский кожаный саквояж – Афина избавлялась от любого балласта.

"Только бы билет не выбросила!"

Расстояние сокращалось. Кабы притормозить погоню и втянуть ноздрями воздух, легко можно было приметить французские Афинины духи.

Ещё один тамбур. Не сбавляя темпа, Николай Дмитрие-вич врубился плечом в дверь, она откинулась, лупанула ру-коятку в стену. Кока инстинктивно зажмурился, не дробя эмоций на мысли, но вспышкой припоминая, как получил дубинкой по роже. Прикрылся рукой...

Однако, женщина не умела устроить засады. Она умела бежать.

Общий вагон.

Радостный гомон. Шуршанье пакетов. Предвкушение курицы и счастье отварных яиц.

Афина запнулась за чью-то сумку, некрасиво взмахнула руками, припала на колено. Поднялась, сделала два неуклюжих шага – правый каблук сломался. Сдаваться эта женщина не умела, она сдёрнула правый ботильон, затем левый. Побежала, прижимая обувь к груди... как будто ботильоны составляли ценность или были идейно ей дороги.

Из ниоткуда возник лейтенант, преградил путь, словно стена.

– Куда торопимся, гражданка?

Николая Дмитриевича покорило вопрос. Ещё более ошеломил пистолет – табельный "макаров" лейтенанта смотрел Афине в грудь. Аккурат в яремную впадину.

Подбежал Николай Дмитриевич. Дышал тяжело, отплёвывался. Выговорил:

– Не надо, лейтенант!.. Давайте... успокоимся! Прошу!

– Конечно, успокоимся, – поддержал милиционер. – Ведь вы не будете делать глупостей, гражданка Завьялова?

– По матери я Потёмкина, – исправила Афина. Откинула со лба локон, царственным жестом прощая нелепое обращение.

Преображение женщины удивило. Мгновение назад она была беглой каторжанкой, готовой бежать босиком по грязному снегу... а теперь она превратилась в королеву. Проиг-

равшую партию, поникшую и расстроенную, но... огорчало её не поражение (королева не может проиграть), а дыра на колготках и сломанный каблук.

Втроём они сошли на следующей станции. Лейтенант отеснил Коку, шепнул ему: "Не раскисай! Она актриса, проведёт любого!" И цепко удерживал Афины под локоть, проговаривал: "Позвольте я вам помогу, мадам! Здесь ступенька... а здесь скользко... держитесь за меня, пожалуйста!"

Афина казалась покорной, во всяком случае, не сопротивлялась и не делала бесперспективных попыток. Николай Дмитриевич передвигался рядом и чувствовал себя преотвратно, как будто он проглотил клубок шерсти – лохматый ком застрял где-то меж горлом и желудком ни туда, ни сюда.

На станции их ждал "уазик"... вероятно, лейтенант предвидел развитие событий, и отправил машину загодя.

Практицизм процедуры – унылая промежуточная станция, душачий своим теплом "уазик", вонючие сапоги водителя, беготня по составу... и даже деловитая самоуверенность лейтенанта – угнетали теперь Николая Дмитриевича. Он отходил от наркоза погони.

В своих ночных фантазиях, он воображал нечто иное... благородное... хотя бы в стиле Эркюля Пуаро, когда в финале интеллигентные красивые люди рассядутся в гостиной, а профессор Серебряков станет рассказывать, что дело нужно

делать... и как он рассчитал продажу имения выгодной.

"Финал должен был быть иным... зачем беготня?.. зачем пистолет?"

Следом, уже в машине Николай Дмитриевич возвысился до мысли, что кара не должна оскорблять преступника. Иначе они тождественны. Правосудие должно возвышаться над преступлением!

А тут?

Буднично.

Прагматично.

Последовательно и бытово, словно бездушное приготовление омлета в портовой проходной столовой.

Неожиданно для себя, Николай Дмитриевич улыбнулся, подумал, что Полубесок добился своего – картина маслом! – имеет повод возрадоваться, ведь он всю свою жизнь мечтал о фотографической правде:

"Правды хотел? Вот она! Вот она правдивая правда, господа артисты! Повелители кисточек и служки Мельпомены! Ешьте её вместе с кашею!.. Натуральная жизнь без малейшей ретуши! Её вы добивались?"

Шесть месяцев спустя, состоялся суд.

Необходимо отметить, что сам факт его... появления?.. наступления?.. не подберу верного определения... говоря языком казённым, торжество правосудия долгое время оста-

валось под вопросом.

Дело в том, что Лидия Лакомова отказалась от своих претензий и забрала из милиции заявление о пропаже мужа. Женщина рассуждала здраво, не возвышаясь до вселенских истин: Аркадий нашелся и... и это главное. Зачем же требовать большего? От кого?

Женщину можно понять.

Да – муж получил травму, да, он потерял память, но можно ли считать это ущербом?

Сложный вопрос.

Неоднозначный.

Чтобы проникнуть в "систему координат" Лидии Лакомовой, нужно вернуться к истокам "преступления", и попытаться представить, как оно происходило.

Афина Завьялова (в девичестве Потёмкина... впрочем, этот факт требует дополнительных проверок и изысканий), оказалась слаба в медицине и биологии. Практических навыков она также не имела. Посему добавила в шампанское избыточное количество димедрола... или же Аркадий Лакомов оказался гиперчувствителен к препарату (на этой версии настаивал адвокат Завьяловой). Так или иначе, от смеси алкоголя и димедрола, усугубленной ударом по голове, Аркадий Лакомов потерял память.

Примите во внимание, что удар по голове вовсе не был сильным. Именно поэтому Аркадия не задержали в Городской Клинической Больнице №1 свыше двух суток, а направ-

вили в психиатрическую лечебницу согласно показаниям.

/если смотреть в корень, администрации Клинической Больницы не хотелось портить годовую отчётность

В психиатрической лечебнице Аркадий провёл три месяца, получил полное и всеобъемлющее медицинское воздействие, чтобы затем вернуться домой, и...

но...

...он постепенно вспоминал домашних... входил в прежнюю жизнь. Позволял ухаживать за собой, притом отвечал на ухаживания искренней благодарностью и лаской.

Примечательно также, что детство, юность, полный университетский курс, равно, как и обстоятельства семейной жизни (вплоть до последних лет), Аркадий Лакомой помнил досконально.

Жена Лида сделалась своеобразным проводником мужа в его Новой Жизни: она рассказывала ему о его прежних знакомых... о друзьях... об отношениях с коллегами... о контактах с драматургией и предпочтениях в литературе... о любимчиках в живописи и о тотальной нелюбови к театру... о симпатиях в пище и об особенностях их интимной жизни.

Злые языки твердили, что Лидия обманывала мужа, подменяя его мировоззрение и заключая "широкую его натуру" в свои "нищенские рамки". Проще говоря, она замалчивала некоторые привычки/страсти Аркадия, но возвышала и акцентировала внимание на позитивных совместных интересах.

Очень может быть, что так оно и было.

Исследователи из Кембриджского Университета (отделение Репродукции, Семьи и Брака) пришли к выводу, что лучший возраст, в котором девушка может вступить в брак – 12-14 лет (именно в этом возрасте выходила замуж Джульетта, например). Мозг женщины в этот период чрезвычайно гибок и пластичен, он (мозг) и она (юная жена) легко подстраиваются под мужа. Берут от него всё лучшее, компенсируя его недостатки своими достоинствами.

В браке Лидии и Аркадия Лакомовых стрела Гименя полетела в обратном направлении, однако психология процесса оказалась скопирована до буквенно: муж Аркадий впитывал мировоззрение жены Лидии... дополняя её женские недостатки своими мужскими достоинствами.

Можно ли считать это провалом? Катастрофой? Гибелью личности?

Во всяком случае, не с точки зрения Лидии.

Так имела ли она моральное право упрекать Афины?

Личного мнения высказывать я не стану, едва ли оно интересно читателю. Позволю высказаться Александру Пушкину:

Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

В назначенный срок, процесс состоялся. Чтобы картина была полной, отмечу, что заседание суда отнюдь не напоминало Святого Судилица, оно казалось проекцией высшего учебного заведения... в тот момент, когда там принимают выпускные экзамены – смесь строгости, экзальтации, авансов и предвкушений... предвкушений радостных сенсаций (для студентов) и банальных новостей о скорой попойке (для преподавателей).

Отставив высокий слог, в зале собрались "знакомые все лица". Дружественные и недружественные. Миротлюбивые и настроенные "контра". Собравшиеся персонажи достойны отдельных повестей, и, быть может, я положу эти образы на бумагу. Когда-нибудь.

Вот сухие итоги суда:

Афина Завьялова получила три года исправительных работ, без права на смягчение приговора (на досрочное освобождение) и без возможности проживать в последующем в Москве и Ленинграде.

Когда приговор объявили, по залу суда прошелестел ропоток (сухой и ледяной до остроты скальпеля): "Невозможно! Это конец! Почему так жестоко?!"

Для Григория Алябьева прокурор потребовал увольнения с занимаемой должности и штрафа в два месячных оклада, однако суд не нашел веских оснований для наказания.

Не нашел...

И всё же, "тень презрения" легла на Алябьева, а потому судья рекомендовала профсоюзу проработать своего недостойного члена досконально, и надзирать за ним впредь с пристрастием.

Из зала суда Груня Алябьев вышел, не умея и не желая прятать улыбку. Он не думал о высоком, не размышлял о низменном. Он жил здесь и сейчас; и солнце улыбалось ему всеми своими лучами (день выдался погожим и ласковым). Груню Алябьева встречала Усатая Еврейка – она принесла домашних пирожков, мытое яблоко и термос чаю.

Николай Дмитриевич...

Нетрудно догадаться, что Николай Дмитриевич, ещё до Нового года отбыл домой. Выдержал шторм от супруги по поводу синяков на лице: "Ты был у любовницы, кобель! и её муж разбил тебе физиономию, застигнув вас в койке!"

Это был грандиозный скандал. Куликовская битва. Тотальное обновление чувств.

Счастливый Кока встретил Новый год с семьёй... роскошно побаловал своих девчонок (дочери отметили небывалую щедрость отца в смысле подарков и комплиментов), и чувствовал себя превосходно...

...особенно, когда не вспоминал Аркадия Лакомова и не размышлял о правосудии.

Fin